

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Общая идея революции в XIX веке

- Вступление
- I. Введение (Обзор первых трёх этюдов)
- II. Принцип власти
- III. Общественная ликвидация
- IV. Организация экономических сил
- V. Критика идеи общественной ликвидации и её прудоновского плана
- VI. Общество без правительства
- VII. Заключение

Вступление

«Общая Идея Революции в XIX в.»[7] разделена на семь этюдов[8], из которых не все одинаково для нас важны. В первых трёх служащих введением, Прудон устанавливает положение, что революции вызываются реакциями, затем он разбирается он разбирает, представляется ли в XIX веке достаточная причина для революции и отвечает утвердительно; наконец, он анализирует принцип ассоциации как его понимали коммунисты братства в 1848 году, а именно, Кабе, Пьер Леру, Луи Блан, и критикует его.

Следующие четыре этюда составляют сущность сочинения и содержат прудоновскую теорию ликвидации с её слабостями и ошибками, но также с её истинными и вполне научными сторонами. Прудон начинает общей критикой принципа власти; он следит за ним через все различные правительственные его преобразования и находит его в наших мнимо демократических учреждениях общей подачи голосов и прямого законодательства.

Идеи закона, продукту власти монарха-ли или большинства, он противопоставляет идею договора, свободно обсуждаемого и заключённого между членами общества. Следующий этюд посвящён плану социальной ликвидации, которую Прудон желает осуществить не посредством поголовной и безвозмездной экспроприации собственников в пользу общества, а законодательными мерами, результатом которых было бы, по его мнению, превращение по прошествии некоторого времени всех крестьян в собственников и доставление всем промышленным работникам дарового кредита, который, по его системе, всё равно обладанию орудиями труда.

Нам придётся внимательно разобрать этот план ликвидации и показать, в каких отношениях мы расходимся по этому предмету с идеями Прудона. Затем следует под заключением «Организация Экономических Сил» изложение экономического порядка, которым Прудон хотел заменить порядок капиталистический и который он называл порядком *взаимности* (mutuellisme, «мютюэлизм»). Здесь мы найдём его теорию организации кредита и теорию обмена, основанную на установлении ценности. Здесь нам также придётся делать много замечаний.

Наконец всё это завершается седьмым и последним этюдом «Общество без Власти».

Здесь Прудон показывает, что должно сделаться с разными правительственными функциями после Социальной Революции, и рисует нам картину *разложения правительства в экономическом организме*.

I. Введение (Обзор первых трёх этюдов)

Когда в обществе существует достаточная причина для революции, никакая человеческая власть не может помешать этой революции произойти. Если правительство или привилегированные классы пытаются воспрепятствовать ей, эти усилия подавить революционную силу, эти реакции хоть на время кажущиеся успешными, они только усиливают, в сущности, силу, которую хотят подавить; они только помогают революционной идее формулироваться; только вернее указывают революции путь, которым она должна следовать; только начёртывают её дорогу, которую предоставленный самому себе революционный инстинкт, быть может, долго искал бы безуспешно.

Не углубляясь далеко в историю, чтобы искать примеры в доказательство этого положения, возьмём пример реакции 1848-го года. Ни резня пролетариев, ни уничтожение политической свободы не могли задушить революции.

Напротив того, реакция послужила революции, дала ей средство яснее определить свои идеи, вернее формулировать свою программу.

Что такое социализм после падения монархии Луи-Филиппа во Франции в 1848-м году?

Нескладный протест против злоупотребления старого мира, инстинкт, а для многих даже мистическая доктрина; наукой он не был ни для кого. Когда враги требовали определения социализма, двадцать разных соперничающих школ предлагали каждая своё. Тут были и государственные коммунисты Кабе, и другие коммунисты с другим правительственным оттенком школы Луи Блана; сенсимонисты, опять разделённые на несколько школ; ученики Пьера Леру, отпавшие от сенсимонизма; фаланстерианцы или фурьеристы Консидерана, позитивисты, следовавшие за Огюстом Контом в его религиозных бреднях; немногочисленная кучка последователей Прудона, и множество других сект. Этот социализм, почти без исключения утопический, сентиментальный и авторитарный, почти не заслуживал считаться серьёзной партией. Оставаясь в области фантазии и диалектики, он не имел никакого влияния на народные массы. Но вот после трёх месяцев республики, Национальное Собрание отвечает народу на его требование хлеба июньской резнёй. В этот день, несмотря на поражение пролетариата, социализм вдруг стал силой, потому что реакция, которая, поражая народ, воображала, что поражает социализм, учредила этим самым солидарность между протестом народа и теориями мыслителей. С этой минуты социализм отождествился с народом, быстро потерял свой сектантский характер; школьные доктрины отошли в нём на задний план, и он сделался выражением требований угнетённых работников. Но этим требованиям надо было определиться, формулироваться; надо было точно знать, на какие именно учреждения следует нападать, надо было выйти из рутинной

политики и из старых недоразумений. Реакция сама взялась воспитать социализм в этом смысле. Прежде всего она научила его, что республика ещё не значит революция, как до сих пор думали; что при республиканском правительстве как при всяком другом, народ необходим, чтобы служить в нём в качестве эксплуатируемого материала. Однако работники всё-таки продолжали думать, что спасение должно прийти им от государства; они воображали, что какой-нибудь диктатор, который будет управлять государством в пользу будто бы народа, может помочь их нужде; 10-го декабря 1848-го они выбрали Луи Бонапарта в президенты республики.

Результатом этого нового опыта было окончательное исцеление рабочих от мысли верить в какого-нибудь спасителя; они поняли, что освобождение их должно быть делом их самих. Но у них ещё оставалось другое заблуждение: они считали, что, владея общим избирательным правом, они имеют в нём верное средство действительно пользоваться своим самодержавием, они не могли простить Законодательному Собранию, что законом 31-го мая 1850-го оно лишило их этого мнимого гаранта народных вольностей; и они с благодарностью приняли возвращение им общего избирательного права, которое Бонапарт подарил народу после государственного переворота 2-го декабря для радостного ознаменования своего вступления на престол. Впоследствии императорские плебисциты излечили рабочих от этого заблуждения, и социализм вычеркнул общее избирательное право из своей программы. Он понял, что народный выбор тогда только может иметь смысл и цену, когда совершается среди рабочей корпорации[9] и когда предметом его служит вопрос, непосредственно подлежащий контролю избирателей рабочих; в условиях же в каких народные выборы совершаются в политических государствах, они могут только служить правительственной власти санкций, не имеющей никакого нравственного значения. Реакция играет эту роль революционного агента и учителя не только в отношении народа, но и в отношении отелых мыслителей, и сам Прудон свидетельствует об этом:

“ «Революционная партия, говорит он, при Временном Правительстве и Исполнительной Комиссии существовала лишь в воздухе; она ещё только искала своей идеи, скрытой под мистическими формулами. Реакция, вопя против грозного призрака договорилась до того, что превратила призрак в живое тело, в великана, который одним мановением может уничтожить её. В настоящее время я решаюсь наверно утверждать то, о чём до июньских дней я едва догадывался, то, что я познал лишь с этих дней и мало-помалу, день за день, под огнём реакционной артиллерии, что революция определилась; она сознала себя – следовательно, она совершилась».

Доказав непобедимость революции; силы которой только растут от усилий реакции подавить её, Прудон переходит к другому вопросу: Существует ли в XIX-м веке настоящая необходимость в революции?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо сперва разобраться, в чем заключается современное общественное стремление, к чему оно направлено; если окажется, что общество стремится по пути безусловно и прогрессивно дурному, необходимость революции будет таким образом доказана.

Посмотрим же, каково положение, созданное во Франции буржуазным порядком, учреждённым в 1879-м.

Революция, предпринятая в конце прошлого века против дворянства и монархии, имела двоякую задачу; задача это состояла в том, чтобы уничтожить во Франции и в Европе феодальный и военный порядок и заменить его всюду порядком равноправности или промышленности

Но дело в том, что никто из людей, взявшихся за решение этой задачи, не понял второй половины её; причины, почему революционеры 1789-го оказались несостоятельны в этом отношении, были те же, которые привели к столь жалкой неудаче предприятие февральских республиканцев, а именно, экономическое непонимание, правительственный предрассудок, недоверие к пролетариату. Потом, в 1793-м, вследствие покушений реакции пришлось для защиты от неприятельского нашествия организовать военным образом и создать громадную централизацию сил. Принцип централизации, обширно применённый Комитетом Общественного Спасения, превратился в догмат у якобинцев, которые передали его империи и последующим правительствам.

Таким образом, с первых же дней политика обошла промышленность; принцип власти и централизации сохранился; вместо нового общества, которое должна была создать революция 1789-го, получился лишь ужасный хаос; сущность этого хаоса состоит в возрастающей нищете рабочих классов и в возрастающей развращённости правящих сословий.

Мы представим относительно этого существенного направления современного общества доказательства, заимствованные из области материальных фактов и статистики.

Экономическими силами называют известные начала экономической деятельности, как-то: *разделение труда, конкуренция, коллективная сила, обмен* и проч. Если общество основано на справедливости, результаты этих сил должны быть неизбежно полезны; если, напротив, организация общества уродлива и несправедлива, экономические силы производят рядом с пользой такое же количество вредных результатов. Таким образом, вредные или удовлетворительные результаты действия экономических сил могут служить для исследователя указанием, такова ли данная общественная организация, каковой она должна быть.

Всем известно разделение труда и его чудные последствия для промышленности; ему нынешнее производство, главным образом, обязано своим громадным развитием; без него материальный прогресс был бы невозможен. Таковы неоспоримые выгоды, доставляемые этой экономической силой. Но, с другой стороны, отсутствие организации труда, в которой употребление этой силы было бы как следует уравновешено, обрекает работника на

механизм, убивающий его умственные и нравственные способности. Это неизбежный результат разделения труда, когда оно как в современном порядке, направлено не только к усилению производительности индустрии, но и к тому, чтобы, эксплуатируя работника в физическом и умственном отношении, обогащать на его счёт предпринимателя и капиталиста. «Работа совершенствуется, работник тупеет», говорит по этому поводу наблюдатель более чем беспристрастный, господин де Токвиль[10]. Впрочем, все экономисты согласны с этим и надо прибавить к их стыду – они не признают возможности, чтобы дела шли иначе.

Таким образом, личная ценность работника падает и спрос на труд уменьшается вследствие прогресса машин; а в то же время падает и заработная плата. В Англии вследствие разделения труда и развития машинного производства число рабочих рук в некоторых ремёслах последовательно уменьшилось на треть, на половину, на три четверти, на пять шестых; заработная плата, падая в той же пропорции, понижалась с 3-ёх франков и до 50-ти и 30-ти сантимов. Всюду в мануфактурах место мужчин заняли сначала женщины, потом дети. В обедневшем народе потребление не может держаться наравне с производством, которому поэтому приходится выжидать; отсюда правильные приостановки в работе, продолжающиеся по шесть недель, по три месяца, по полугод.

Результатом является факт, подтверждаемый ужасающими статистическими данными, что в Париже некоторые работники, получающие по франку в день и остающиеся без работы постоянно по 6 месяцев в год, вынуждены жить на 50 сантимов в день!

Но не одно разделение труда является источником нищеты для работников. Тоже можно сказать и о других экономических силах, например, о *конкуренции*, которая при нынешнем положении дел приносит выгоду только капиталистам. В самом деле, между капиталистами конкуренции не существует; они ухитрились восстановить в свою пользу промышленные и торговые монополии; конкуренция существует лишь между работниками, и благодаря ей капитал может покупать труд по ценам всё более и более убийственным для рабочего класса.

Итак, мы приходим к заключению, что экономические силы порождают зло; следовательно, общество дурно организовано.

Много других фактов доказывают постоянное возрастание нищеты работников, имеющее последствием вырождение племени. Так доказано, что в течении последнего полувека средний рост рекрутов понизился. Уголовная статистика свидетельствует, что цифра преступлений, преследуемых обвинительной властью, растёт с каждым годом: в 1827-м она была 47,443, а в 1847-м – 124,159; в делах, подлежащих исправительному суду, оказалось такое же возрастание: в 1827-м было 159,740 обвинённых, в 1847-м – 239,291.

“ «Работник, говорит Прудон, тупеет под влиянием мельчайшего разделения труда, машинного производства и невежественного воспитания; он впадает

в уныние от постоянного падения заработка; развращается перерывами работы; голодает от монополий; и когда остаётся, наконец, без хлеба и крова, без гроша и без надежды; голодный и холодный, он принимается нищенствовать, побираться, плутовать, воровать, убивать; пройдя через руку эксплуататоров, он достаётся в руки судьям. Ясно-ли?»

Таково положение рабочего класса. Взглянем, что делается с правительствующим сословием. Проценты государственного долга Франции составляли 1-го апреля 1814-го – 63,307,637 франков; 31-го июля 1830-го – 199,417,208 франков; 1-го января 1847-го – 237,113,366 франков; 1-го января 1851-го – 271,000,000 франков. С того времени, как писал Прудон, прогрессия эта ускорила свой ход; и это до такой степени вытекает из самой сущности правительства, что удержать это возрастание нет никакой возможности, что можно наверняка предсказать минимальные цифры государственного долга в таком-то будущем году и заранее определить несомненный момент неотразимого государственного банкротства.

Тоже и относительно бюджета. Первый правильный бюджет после директории[11] был бюджет 1802-го года, составлявший 589,500,000 франков; в 1819-м бюджет простирался до 863,853,109 франков; 1829-м до 1,014,914,432 франка; в 1840-м до 1,298,514,449 франков; в 1858-м до 1,692,181,111 франков. В течение этих 46-и лет ежегодное увеличение составляло средним числом по 24 миллиона. В последние годы второй империи[12] бюджет достиг 3-х миллиардов. В настоящее время увеличение идёт ещё быстрее, благодаря последней войне[13]; и всякая попытка государственных людей остановить эту роковую прогрессию была бы также безуспешно, как попытка остановить увеличение государственного долга, потому что была бы отрицанием самой правительственной сущности.

Почему правительство вынуждено увеличивать ежегодно свои расходы и всё больше и больше лезть в долги? Объяснить это легко. По законной фикции, правительство имеет назначение защищать личность, промысел и собственность каждого лица. Следовательно, если по силе вещей собственность, богатство, благосостояние сосредотачиваются все в одних руках, а остальным достаётся только нищета, то правительство оказывается по самой своей сущности защитником богатого класса против бедного. Волнение рабочих классов само собой становится всё сильнее, и привилегированным классам угрожает всё большая опасность, а потому и правительство вынуждено постоянно увеличивать свои средства защиты, число своих чиновников и численность своей армии.

По Прудону число чиновников увеличилось с 1830-го по 1848-й на 30,000 и в 1848-м простиралось до 568,365; следовательно, из каждых девяти человек один жил на счёт бюджета государства или общины. Понятно, что с тех пор число чиновников ещё увеличилось. Что касается армии, то сравнительные цифры её состава цитировались так часто, что бесполезно приводить их; напомним только, что с 1830-го по 1848-й бюджет армии и флота Франции возрос постепенно с 323,980,000 до 535,837,000, следовательно, увеличился средним числом на 12 миллионов ежегодно.

Кто платит проценты займов и другие статьи бюджета? Кто выплачивает жалование легионам чиновников и солдат, единственное назначение которых – упрочить сохранение капиталистического порядка и держать работников в покорности и нищете? Кто, как не работники же. Все налоги, в конце концов, падают на работников и взимаются с продуктов их труда. Правда, капиталист будто бы также платит налог и даже платит его как будто пропорционально своему богатству; он будто бы платит за свои земли, за свой дом, за свою мебель, за свои переезды и путешествия, за своё потребление и прочее, как и все прочие граждане. Но чем он платит? Своим доходом. Но что такое его доход, как не несправедливый побор, который этот тунеядец взимает с продукта чужого труда? Стало быть, он оплачивает налог добычей, взятой у пролетария, т.е., другими словами, он делится с правительством этой добычей. Они сговариваются, как два базарных жулика, грабить народ сообща. Правительство говорит капиталисту: «Я тебе гарантирую спокойное обладание частью народного труда, которую ты себе забираешь под предлогом мнимых заслуг, будто бы оказываемых тобой народу; за эту гарантию ты мне будешь отдавать под видом налога часть богатств, которых не производил, её в по существу будут выплачивать работники, но так как она предварительно проходит через твои руки, то будет считаться, что платишь её ты».

Приверженцы правительственного порядка отвергают всеми силами своей души эту критику, которая атакует сами учреждения, а не личности. Виноваты ли наши учреждения, восклицают они, в том, что общественное достояние предаётся расхищению? Виновата ли наша чудная централизация в том, что налог, разросшийся до чрезвычайности, тяготеет на работнике больше, чем на собственнике? Виноват ли конституционный принцип в том, что наша армия и наш флот оказались в жалком состоянии, не смотря на щедрость бюджета? Это вина подлых министров, взяточников, казнокрадов, пользовавшихся бюджетом для корыстных целей своих и своих бесчисленным креатур[14]?

Прекрасно. Но это не только не опровергает нашего вывода, а подкрепляет его. К существенным недостаткам системы надо, следовательно, прибавить подлость приводящих её в действие людей. И, действительно, развращённость исполнителей есть необходимое дополнение правительственной системы. Цель этой системы есть прежде всего охранение капиталистического феодализма, охранение его привилегий; поэтому она вынуждена всюду заготовлять себе усердствующих креатур, награждать их усердие и заслуги многочисленными средствами, предоставляемыми в её распоряжение бюджетом. Продажность есть душа централизации.

Стоит только припомнить скандалы времён Луи Филиппа[15], второй республики[16], второй империи; но это лишнее для нашей цели. Сами друзья этих правительств не отрицали порчи; никто не оспаривал факта её существования, но никто кроме социалистов не хочет понять, что она составляет естественный и роковой продукт правительственного порядка.

После этого краткого обзора общего положения дел, мы можем положительно утверждать, что общее направление общества радикально дурно; что причины виденных нами плачевных явлений кроются в самих основаниях современного общественного строя; и что, следовательно, в XIX-м веке существует достаточная причина для революции.

Затем Прудон делает отступление, подвергая разбору *принцип ассоциации*. Мы не последуем за ним в подробности этого разбора, где нам пришлось бы указать ошибки и противоречия, что было бы излишне, так как в настоящее время вопрос об ассоциации решён, и решён против Прудона.

В 1848-ом ему приходилось бороться против апостолов *братства*, желавших основать ассоциацию на мистическом начал самопожертвования, и Прудон справедливо восстал против этой опасной сентиментальной теории. Однако он не отказался признать закон солидарности; он только отвергает рабство и эксплуатацию в новой форме, которые были бы необходимым продуктом братнической ассоциации. Он ищет такой организации труда и экономических сил, которая, не порабощая человека человеку, оставляла бы производителю полнейшую свободу, облегчала бы труд, придавала бы работнику страсть к работе, удваивала бы его продукт, создавала бы между людьми солидарность чуждую всего личного и соединяла бы их узами более прочными, чем все измышления сентиментальной братнической ассоциации. И эту программу мы вполне принимаем.

Прудон упустил только из виду новый образ производства, предписываемый промышленностью и земледелию потребностями современного потребления и употреблением машин. Часто индивидуальный труд становится всё более и более невозможным; его с каждым днём вытесняет коллективный труд; другими словами, мелкая промышленность и мелкое земледелие всё более уступают место крупной промышленности и крупному земледелию. Ныне эти великие орудия труда принадлежат исключительно капиталисту, который монополизировал их и обращает в свою пользу; но, когда после революции их обратят в общую пользу, окажется невозможным раздробить их и дать каждому работнику частицу, ибо орудие труда, машина или земледельческая эксплуатация, по самой природе своей нераздельно; следовательно, воспользоваться им может только ассоциация. Вот откуда вытекает необходимость ассоциации, как общей формы труда в будущем.

Впрочем, Прудон понял отчасти эту истину. Он признаёт, что в некоторых случаях ассоциация разумна:

“ «Да, говорит он, ассоциация имеет своё законное место в народной экономике; да, рабочие общества полные надежд как протест против наёмного труда и как заявление взаимности, призваны играть важную роль в ближайшем будущем. Эта роль будет состоять главным образом в употреблении крупных орудий труда и в исполнении некоторых работ, требующих и большого разделения функций, и, вместе с тем, большой коллективной силы. Таковы, между прочим, железные дороги».

Стоило обобщить эту идею, чтобы дойти до совершенной истины. Надо было понять, что в будущем возможны только крупные орудия труда, которые, по словам самого Прудона, могут приводиться в действие лишь рабочими обществами, организованными в ассоциации.

Следовательно, ассоциация есть та форма организации, которую промышленность само собой заставит работников принять.

II. Принцип власти

До того времени, когда новейший социализм начал формулировать свою программу, люди не могли вообразить себе общества иначе, как в форме правительственной, т. е. в виде общества, управляемого властью, которой поручено охранять порядок и воздавать правосудие. Принцип этот не изменялся от формы правительства, монархической, аристократической или демократической. В течение веков самые смелые, - самые революционные умы, поработанные предубеждением, что существование правительства в обществе обуславливается самой сущностью общества, никогда не решались требовать чего-нибудь больше перемены правительства; никому не приходило в голову подвергнуть сомнению само правительство.

Ещё и теперь правительственный предрассудок, от которого освободился пролетариат некоторых самых передовых стран Европы, властвует во всей силе над умами рабочих классов Германии, Англии и Америки. О правительстве ещё продолжают говорить: дурно не учреждение, а злоупотребление, и всё пошло бы прекрасно, если бы преобразовать учреждение по воле рабочих: так- то в древности добрый народ говаривал: Зол не король, а министры; ах, кабы король знал, да ведал! ...

Спросите приверженцев авторитарного начала, на чём основана их вера в необходимость правительственной власти, они ответят:

“ «На том, что общество не может обходиться без порядка; на том, что во всяком обществе должны быть люди, повинующиеся и трудящиеся, и люди, повелевающие и управляющие; на том, что индивидуальные способности людей неравны, интересы людей противоположны, страсти их взаимно враждебны, частное благо каждого противоположно общему благу; поэтому нужна власть, указующая предел прав и обязанностей; власть, служащая посредницей для решения столкновений; нужна общественная сила, исполняющая и заставляющая соблюдать мир. Словом, правительство есть принцип и гарантия общественного порядка; так говорит нам и здравый смысл, и природа».

Это рассуждение повторяется от начала обществ. Во все времена, в устах всех правительств оно неизменно; оно повторяется слово в слово, без изменений и в книгах мальтузианских экономистов, и в реакционных газетах, и в манифестах республиканцев. Единственная разница между ними состоит в размере уступок, которые они допускают в пользу свободы; но все эти уступки равно несостоятельны и только придают так называемым либеральным

конституционным и демократическим формам правления, характер лицемерия и фальши, делающей их ещё более презренными.

Разберём же, есть ли государство единственная форма, в которой может существовать человеческое общество; есть ли принцип власти, выражающийся в *законе*, необходимое условие всякой справедливости.

Мы утверждаем, что существует высшая собственная форма и что к ней то должно прийти человечество, вышедшее из дикости и прошедшее эпоху религиозного и политического авторитета; оно должно прийти к ней вследствие того развития, какое в новейшем обществе получило промышленное и земледельческое производство и тех условий, какие созданы этим новым производством для пролетариата

В этой общественной форме нет и помина об определении посредством *закона* отношений гражданина к правительству; в ней *договором* определяются отношения человека к человеку. Человек здесь не поданный, предоставленный произволу государя или капризу закона, в составлении которого он не участвовал и на который он не давал своего согласия; это производитель, свободно располагающий своей личностью и продуктом своего труда, вступающий с другими людьми в договор, которым гарантирует свои права и определяет взаимные обязательства.

В этом новом понятии об обществе идея власти исчезает; власти нет, закона, выражения воли власти, нет; *политического* порядка нет. Его заменяет порядок *экономический* или *промышленный*; принцип власти заменён принципом *взаимности*; люди здесь не повинуются закону, т. е. внешней воле, а соблюдают договоры, свободно обсуждённые и свободно принятые. Этот порядок Прудон окрестил именем *анархии* – «безвластия».

Прежде чем современный социализм дал ясное определение и научное доказательство антигосударственной теории, XVIII-й век угадал часть этой великой идеи, но не нашлось никого, чтобы сформулировать её. Напротив, тот, кто в то время предпринял подвергнуть критике монархическую власть и найти рациональную организацию общества, Жан Жак Руссо, только восстановил правительственную идею, перенеся самодержавие с монарха на народ. Уже самое заглавие, которое Руссо дал своей книге: «Общественный Договор» могло наставить его на истинный путь; но он не понял его смысла.

“ «Установив принципом, говорит Прудон, что народ есть единственный самодержец, что представителем его может быть лишь он сам, что закон должен быть выражением воли всех и тому подобные пышные пошлости, которыми пользуются все трибуны. Руссо вдруг покидает свой тезис и бросается в околенную. Во-первых, на место общей, коллективной нераздельной воли он подставляет волю большинства; потом, под предлогом, что народу невозможно с утра до ночи заниматься общественными делами, он возвращается избирательным путём к

назначению представителей или выборных, которые будут законодательствовать во имя народа и решения которых будут иметь силу законов. Вместо того, чтобы самому непосредственно, лично договариваться о своих интересах, гражданин может только большинством голосов выбирать посредников. Сделав это, Руссо очень доволен. Тирания, кичившаяся божественным правом, была ненавистна; он её преобразовал и сделал почтенной, выведя её из народа. Другими словами, это учёная передержка, узаконяющая общественный беспорядок, освещающая народную нищету во имя народного самодержавия. Притом во всём этом нет и помина ни о труде, ни о собственности, ни о промышленных силах, организация которых составляет цель Общественного Договора. Руссо понятия не имеет о народной экономии. Его программа толкует исключительно о политических правах; права экономического он не признаёт».

Прудон продолжает разбирать книгу Руссо, показывая в ней начало якобинской и конституционной правительственной теории, и говорит в заключение:

“ «Насмеявшись таким образом над читателем и соорудив под обманчивым именем Общественного Договора уложение капиталистической и торгашеской тирании, женевский шарлатан приходит к заключению, что пролетариат необходим, что нужны диктатура и инквизиция».

Руссо был оракулом якобинских революционеров 1793-го, и Робеспьер, государственный, друг попов, восстановитель верховного существа, палач анархистов, был его прямой потомок.

Прудон питает глубокую ненависть к Робеспьеру; видя в нём полнейшее олицетворение принципа власти, погубившего первую революцию. Он посвящает ему несколько страниц, где резкость брани и преувеличения, отступающие от строгой исторической правды, могут привести в смущение читателя, мало знакомого с приёмами автора. Не надо придавать этой резкости Прудона больше значения, чем он сам придавал ей. Он увлекался своей горячностью, и, начиная рассуждать, сам не знал, до каких крайностей увлечёт его полемический азарт. Имея перед собой противника, он устремлялся на него с одной целью - побить его, такое увлечение неизбежно в каждом борце, который, подобно Прудону, действует на кипучей арене ежедневной революционной жизни. С этой оговоркой мы приведём дальнейшие слова Прудона о Робеспьере.

«Когда Конвент *жалкой памяти*, говорит Прудон, принял якобинскую конституцию 1793-го, он отложил приведение её в исполнение до заключения мира. Эта конституция учреждала *прямое правительство*, т. е. постановляла, что закон должен вотироваться прямо народом. Но Руссо в своём *Общественном Договоре* доказал, что прямое правительство невозможно, так как по его системе закон вотирует и власть отправляет большинство; а между тем не согласно с естественным порядком, чтобы большинство правило, а меньшинство было управляемым»

«Далее, он доказал, что прямое правительство невозможно особенно в такой стране, как Франция, потому что для этого прежде всего потребовалось бы уравнивать состояния, а равенство имущества невозможно»

«Сверх того, он доказал, что именно вследствие невозможности соблюдать равенство имущества прямое правительство самое порочное, самое опасное, более всех влекущее за собой катастрофы и междоусобия»

«Он доказал также, что как древние демократии не могли удержаться, несмотря на свои малые размеры и на помощь, какую им оказывало рабство, то тем безуспешнее должна оказаться попытка учредить эту правительственную форму у нас»

«Наконец, он решил, что эта форма возможна для богов, но не для людей»

«Итак, Робеспьер, вернейший ученик Руссо, не допускал возможности практического осуществления конституции 1793-го; он всегда весьма ясно высказывался в пользу косвенного, т. е. представительного правления. В 1791-м он говорил, что он не республиканец и что в известной монархии может быть больше свободы, чем в иной республике; это было правило Руссо, который говорил: Государь сам по себе, а монарх сам по себе; первый не исключает второго; первым может быть народ, и народное самодержавие вполне совместимо с наследственной монархией»

«Итак, Робеспьер не верил в конституцию 1793-го и желал учреждения представительного правления, чего-то в роде республики с президентством; потому он разошёлся сперва с *анархистами*^[17], которые боролись против властей Конвента за автономию Парижской Общины и имели предчувствие, хотя затуманенное дымом революционных пушек, об антигосударственной теории; затем он разошёлся и с дантонистами^[18], подозревая их в том, что они серьёзно хотят осуществления прямого правительства. Тогда он попробовал образовать правительственную партию и предложил в Конвенте, произведя предварительно очистку комитетов, усилить централизацию власти. Но умеренная и буржуазная партия в Конвенте, к которой он и обращался, хотя разделяла его виды, но не имела к нему доверия; эти честные люди, конечно, желали возвратиться к правлению не

прямому, а представительному, но не желали Робеспьера, а те самые люди, на которых он рассчитывал, как на союзников в своей попытке реакции, отступились от него и выдали его на мечь Горы[19]. Однако, пособив мятежникам погубить Робеспьера, большинство Конвента приняло программу низверженного государственника, напало на последних приверженцев прямого правления, поразила их и заменило конституцию 1793-го Директорией»

«В этом новом правительстве место Робеспьера было бы по всем правам рядом с Сьейесом, с Камбасересом и другими подобными, которые имели очень определённые понятия о прямом правлении и желали, как можно скорее вернуться к представительному, хотя бы затеваемая ими реакция против демократии привела их к империи. После 1830-го Робеспьер принадлежал бы к династической оппозиции, а после февраля 1848-го поддерживал бы временное правительство: наконец, ненависть его к атеистам и инстинктивное влечение к попам заставило бы его, вероятно, подать голос за римскую экспедицию»

В заключение этой долгой диатрибы Прудон сравнивает якобинцев 1848-го с якобинцами 1793-го и превосходно характеризует деятельность этой партии, «дважды погубившей революцию».

“ «Увы! Измена всегда приходит от своих».

«В 1848-м, как в 1793-м, революция была задержана своими собственными представителями. Наше республиканство, как старый якобинизм, всегда было буржуазной выкидкой без принципа и без плана; ему и хочется, и не хочется; оно постоянно ворчит, подозревает и всё-таки остаётся в дураках; оно всюду, вне своей категории, видит бунтовщиков и анархистов; копаясь в полицейских архивах, оно умеет находить там только слабости патриотов, вымышленные или же действительно случавшиеся[20]; оно запрещает культ Шателя[21] и поручает архиепископу парижскому петь молебны; во всех вопросах оно избегает называть вещи настоящим именем, чтобы не скомпрометироваться; откладывает все решения, ни на что не отваживается, питает недоверие к ясным доводам и к определённым положениям. Н опять ли это Робеспьер, этот болтун без инициативы, находивший, что Дантон слишком мужественен, порицавший его великодушную смелость, на которую чувствовал себя неспособным, державшийся в стороне 10-го августа, не выразивший никакого мнения о сентябрьской резне, подавший голос и за конституцию 1793-го, и за её

отсрочку до мира; осуждавший праздник Разума и устроивший Праздник Верховного Существа; преследовавший Каррье[22] и поддерживавший Фукье-Тенвиля[23], лобзавший утром Камиля Демулена[24] и приказавший вечером арестовать его; предлагавший уничтожение смертной казни и редактировавший прериальский закон[25]; обошедший одного за другим Сьейеса, Мирабо[26], Барнава[27], Петиона[28], Дантона, Марата, Эбера и затем гильотинировавший одного за другим и Эбера, и Дантона, и Петиона, и Барнава, первого за то, что он анархист, второго за то, что он умеренный, третьего за то, что он федералист, четвёртого за то, что он конституционалист; уважавший только правительственную буржуазию и отступническое духовенство; компрометировавший революцию то по поводу присяги духовенства, то по поводу ассигнаций, щадивший только тех, кто находил спасение в молчании или в самоубийстве; и павший, наконец, в тот день, когда оставшись почти один среди людей золотой середины, попытался в сообщничестве с ними обуздать революцию в свою пользу»

«Десятого августа 1792-го, когда монархия рушилась под ядрами предместий, Робеспьер и его якобинцы ещё держались за конституцию 1791-го, забрызганную кровью нансийских солдат[29] и патриотов Марсового поля[30]. Они занимались перестрелкой с высоты свой парламентской цитадели и боялись людей говоривших, что надо отправить к чёрту монархию с конституцией. Они никогда не могли простить смелым революционерам, особенно Дантону, который потащил их как ленивых псов на травлю конституционной монархии, тогда как они надеялись сделаться со временем её руководителями и распорядителями. *Конституция, говорил Робеспьер, удовлетворяет революцию*».

«Ненависть этой партии, опившейся кровью лучших граждан, преследует нас и теперь. Я могу примириться с людьми, потому что подобно им, подвержен заблуждениям; но с партиями никогда. Пусть же они продолжают, ибо, увы! Революция не так-то скоро освободится от уз. Мы охотно пожертвуем инициативой и более умеренным, лишь бы они свершили революцию. Мы скажем Робеспьеру, как Фемистокл Эврибиаду: *рази, клеветет правительства, рази, сикофант Революции; рази, ублюдок Лойолы, тартюф Верховного существа, рази, но выслушай!*»

Считаем нужным прибавить, что мы не согласны с Прудоном относительно отречения от революционной инициативы в пользу противников – это была бы большая глупость. Впрочем, и со стороны Прудона это больше риторическое выражение.

Критика принципа власти в его древних формах, теократии, монархии, аристократии, - дело лёгкое, и она была сделана гораздо раньше Прудона, так что мы не считаем нужным останавливаться на ней. Гораздо важнее изобличить последнюю личину принципа власти в

форме *общего избирательного права* и так называемого *прямого законодательства*, и это то мастерски исполнил Прудон. Много хороших умов долгое время обманывались этими демократическими учреждениями, находя в них гарантию свободы и равенства, надо было, следовательно, показать, что такое общее избирательное право в приложении к политике; надо было раскрыть в прямом законодательстве последнее воплощение правительственной идеи.

Общее избирательное право может служить или для избрания доверенных лиц, или для заявления мнения по вопросам о принципах, и в последнем случае, результат его есть прямое законодательство.

Разберём сначала общее избирательное право в приложении к выбору народных уполномоченных.

Защитники представительной демократии говорят: Прежде недостаток власти состоял в том, что она принадлежала наследственно одному семейству или одному сословию, следовательно, не исходила от всего народа; но с той минуты, как весь народ участвует в назначении своего правительства и как правительство не имеет другой власти, кроме вверенной ему всеми гражданами, правительство перестаёт быть чуждым народу, перестаёт быть его повелителем; оно становится истинным выражением народной воли.

Эти защитники демократического правительства забывают, что верховная власть не может переноситься по уполномочию по той причине, что передавший её другому, сам непременно теряет её; стало быть, народ, передавший свою верховную власть выборным, тем самым отрекается от свободного распоряжения собой и перестаёт быть сам себе господином, ставя других своими повелителями.

Затем в сущности всё равно, учреждён ли этот повелитель соизволением Божиим или завоеванием, или собственным выбором народа; результат всё тот же – народ подвластен; им управляют; он повинуется.

На этой возражают, что уполномоченные народа, вышедшие из его верховной власти, не управляют, по крайней мере, против народа, ибо это противоречило бы самому происхождению их власти. Избранные, как наиболее способные, выражать и исполнять волю народа, они не могут действовать против тех, от кого получили своё полномочие

Однако опыт доказывает противное. Уполномоченные, облечённые властью, всегда очень мало обращали внимания на своих доверителей, кроме разве кануна выборов: они всегда предпочитали частные интересы общим. Сверх того, предположение, будто правительство, избранное общей подачей голосов, перестанет быть чуждым народу и будет верным выражением народной воли, это предположение, говорим мы, опровергается и теорией, и фактами. Возьмите из среды народа людей, которых вы считаете самыми близкими по чувствам к народу и которые, по-вашему, всего вернее будут представлять общую волю; сделайте этих людей правителями; если они согласятся принять эту роль, вы этим самым создадите для них новые чувства и интересы, совершенно отличные от чувств и интересов необходимости находится в полном противоречии интересов с управляемым, и не может

иметь с ними ничего общего ни в чувствах, ни в желаниях.

Притом, как мы показали в предыдущей главе, в обществе, где господствует экономическое неравенство, задача правительства, состоящая в защите *приобретённых прав*, в охране существующего порядка, по необходимости должна быть направлена к охранению имущего класса против неимущего, капиталиста против требований работника; правительство по необходимости является щитом эксплуататора, палачом эксплуатируемых. По горькой иронии логики фактов искренние демократы, принявшие правительственное полномочие с твёрдым и добросовестным намерением служить народному делу против кастовых привилегий, вынуждены были силой своего правительственного положения сделаться союзниками и сообщниками эксплуататоров, которых сами проклинали, и отправлять свою роковую власть единственным способом, которым она может отправляться, т. е. против свободы.

И не ясно ли в самом деле? Может ли власть, не налагая сама на себя рук, действовать против своего собственного начала? Не есть ли она прямое отрицание свободы? И неужели трудно понять, что всякое намерение сохранить свободу под властью, учредить *власть либеральную*, охранить свободу помощью какой-нибудь власти – есть противоречие, нелепость?

Но разберём до конца рассуждение правительственных демократов.

Народ, говорят они, обеспечен против измены своих правителей; как скоро они перестали выражать его волю, он выбирает на их место новых. Исходя из этого положения, старались усилить гарантии народной свободы сокращением срока депутатского полномочия и даже требовали, чтобы депутат мог быть во всякое время отрешён своими избирателями.

Но эта гарантия призрачна. Действительно, новые депутаты, избранные народом, роковым образом становятся тотчас по избрании точно тем же, чем были отрешённые депутаты; в них воплотился принцип власти, и во имя этого принципа они действуют; сама природа вещей требует, стало быть, чтобы деятельность их шла в ущерб свободе граждан. Пришлось бы вечно начинать сызнова; народу опять придётся переменять своих выборных, опять выбирать новых, которые при столь же благородных намерениях, как и прежние, будут опять представителями правительственного принципа, стало быть, защитниками власти, эксплуатации и привилегии.

Предлагают ещё средство. Народный выборный должен быть связан *условным полномочием* [31].

В таком случае нельзя сказать, что народ отчуждает свою власть, отрекается от неё, так как он сам является здесь выражать свою волю, и его уполномоченный есть не более как его глашатай. Прекрасно. Но ведь каждый уполномоченный представляет лишь часть народа, лишь свою избирательную коллегия, и возможно, что их условные полномочия окажутся в противоречии между собой. В таком случае восторжествует большинство уполномоченных, и та часть народа, которую представляет меньшинство, воля их будет поправа.

Если бы даже каждый уполномоченный служил выражением своего народа или, что тоже, если бы был только один уполномоченный, которому весь народ дал бы условное полномочие, то и тут неизбежно окажется насилуемое меньшинство, ибо в виду противоречия интересов, создаваемого нашим порядком социального неравенства, было бы нелепо допустить, что все граждане окажутся единодушными.

Итак, при системе уголовного полномочия неизбежно оказывается, что одна часть граждан должна против воли подчиняться закону, который навязывает ей воля другой части граждан; стало быть, это опять принцип власти во всей его первобытной широте.

Стоит ли разрушать абсолютную монархию и провозглашать верховную власть народа из-за того только, чтобы монархический произвол заменить насилием депутатского большинства?

Но кроме этих возражений, есть другие, о которых мы до сих пор не говорили, но которые вероятно сами собой представились читателю. Не говоря уже о том, что народные выборы не могут служить искренним выражением народной воли вследствие экономической подчинённости большинства избирателей, есть много других практических невозможностей. Каким образом, например, может народ удостовериться в способности тех лиц, которых ему приходится уполномочивать? Если бы в рабочей ассоциации приходилось решить вопрос, кто из членов наиболее способен выполнить известную промышленную должность, избиратели-работники не рисковали бы ошибиться в выборе, так как им приходилось бы судить о вопросе, не выходящем из пределов их специальных ремесленных сведений. А здесь хотят, чтобы народ, т. е. совокупность этих работников, из которых каждый компетентен только в своей специальности, решил сознательно вопрос, не имеющий ничего общего с его ежедневной практикой, с его знаниями, с его сознанием! Всякий согласен, что сапожник некомпетентен в выборе лучшего гравера, гравер в оценке способности каменщика; а здесь хотят, чтобы эти сапожники, граверы, каменщики, признанные в экономических вопросах некомпетентными вне своих специальностей, явились в вопросе политическом одарёнными каким-то чудом, даром оценивать способности и сознательно делать выбор!

“ «Народ, говорит по этому поводу Прудон – народ (я говорю о народе, каким он является на форуме[32] и в избирательных урнах) – народ, к которому в феврале не посмели бы обратиться за его мнением о республике; народ, который 16-го апреля и после июньских дней огромным большинством высказался против социализма; народ, избравший Луи Бонапарта из благоговения к императору; народ, назначивший, увы! – Учредительное Собрание, а потом Законодательное, да! – народ, не вставший 17-го июня[33], не пикнувший 31-го мая[34]; народ, подписавший адреса и за, и против пересмотра конституции – этот народ предполагается осенённым свыше знанием и пониманием, чтобы выбирать между гражданами добродетельнейших и способнейших и уполномочивать их организовать Труд, Кредит, Собственность, Власть! И его выборные, вдохновленные его

премудростью, предполагаются непогрешимыми! Полноте, будемте откровенны! Общее избирательное право, условное полномочие, ответственность представителей – всё это пустяки; я им не доверяю моего труда, моего спокойствия, моего состояния; для защиты их я не рискну ни одним волосом с моей головы».

Остаётся рассмотреть, что даст общее избирательное право в приложении не к выбору представителей, а к решению самим народом законодательных вопросов. Это система, провозглашённая конституцией 1793-го, постановившей, что законы должны утверждаться народным голосованием; в 1848-м году её опять ввёл в моду под именем прямого законодательства один немец, господин Риттингаузен[35].

Предоставим слово Прудону:

“ «Не буду повторять, говорит он, относительно применения общего избирательного права к вопросам законодательным, старых возражений против решений, исходящих из совещательных собраний, например, то, что в них одного голоса достаточно для составления большинства и что, следовательно, этот один голос делал бы закон; перейдёт этот голос направо, законодатель говорит: да; перейдёт он налево, законодатель говорит нет. Эта парламентская нелепость, составляющая главное орудие политического мошенничества, будучи перенесена на поприще народных выборов, вызвала бы после бесчисленных скандалов страшные столкновения. Народ-законодатель вскоре опротивел бы сам себе. Пропуская эти возражения, я останавлиюсь только на коренной ошибке этой теории, ведущей разумеется к полному разочарованию в этой теории мнимого прямого законодательства»

«Господин Риттингаузен ищет, хотя и не говорит этого, общей, коллективной, синтетической, нераздельной идеи народа, рассматриваемого не как толпа, не как фикция, но как живое высшее существо. К этому вела теория самого Руссо. Чего он хотел и чего хотят его последователи своим общим избирательным правом и своим законом большинства? Они хотят определить с наименьшей ошибкой общее и безличное мнение и полагают, что мнение большинства наиболее к нему приближается. Таким образом, господин Риттингаузен полагает, что подача голосов о законе всего народа ближе будет к этому идеальному общему и безличному мнению, чем простое большинство представителей. В этой гипотезе и состоит вся оригинальность и всё нравственное достоинство его теории»

«Но я скажу ему: Как могли допустить Вы мысль, что можно знать мысль одновременно частную и общую, коллективную и индивидуальную, одним словом, синтетическую – путём подачи голосов, т. е. официальной формулой разномыслия? Согласный хор ста тысяч голосов едва мог бы дать вам смутное представление о народном существе. Но сто тысяч голосов, переспрошенных порознь и отвечающих каждый сообразно своему личному мнению: сто тысяч голосов, поющих каждый про себя и на разные тоны, составят только ужасающую нескладицу, и чем больше будет голосов, тем ужаснее будет нескладица. Чтобы приблизиться к коллективному мнению, которое есть самая сущность народа, вам остаётся только собрать мотивированные мнения всех граждан, затем прочесть их все, сравнить мотивы, свести, насколько возможно, подходящие мнения к одному, наконец, вывести из них более или менее точным выводом синтез, т. е. общую мысль, мысль высшую, которую одну только и можно приписывать всему народу. Но сколько времени потребует подобная операция! Кто возьмётся за этот труд? Кто поручится за верное исполнение его, за точность результата? Какой логик примет на себя извлечь из этой избирательной урны, содержащей только пепел, живое и животное начало, Народную Идею?»

«Очевидно, эта задача неразрешима. И господин Риттингаузен, установив сначала прекрасные правила неотъемлемого права народа самому узаконять свои законы, кончает, как все политические деятели тем, что обходит затруднение. Оказывается, что вопросы *ставит* уже не народ, а правительство. На вопросы, поставленные правительством, народ может отвечать только *да* или *нет*, как ребёнок по катехизису. Народ не имеет даже права предлагать перемен в предложениях правительства».

«Да иначе и сделать нельзя в этой системе *разногласного законодательства*, если хотеть добиться хоть чего-нибудь от толпы. Господин Риттингаузен охотно сознаётся в этом. Он признаёт, что если бы народ, созданные в комиции[36], мог предлагать изменения в вопросах или, что ещё важнее, сам ставить вопросы, то прямое законодательство было бы утопией. Чтобы это законодательство было практически возможно, надо, чтобы самодержец имел выбор между двумя положениями, из которых, следовательно, одно должно заключать в себе всю истину и только истину, а другое всю ложь и только ложь. Если бы одно из них заключало в себе больше или меньше истины, больше или меньше лжи, то самодержец, обманутый вопросом, дурно поставленным его министрами, неизбежно отвечал бы глупость».

«Между тем, в вопросах общих, обнимающих интересы всего народа, строгая постановка дилеммы – дело невозможное; так что, стало быть, как ни ставь вопрос народу, он непременно даст ответ нелепый».

Здесь Прудон приводит в примере несколько вопросов, которые были бы предложены народу, и ответы, которые народ дал бы на них; эти примеры он заимствует у самого господина Риттингаузена; в заключение он говорит:

“ «Ясно ли, что это прямое законодательство ни что иное, как постоянная передержка? Из ста вопросов, предложенных народу правительством, девяносто девять были решены так, как мы показали на примерах; и господин Риттингаузен, как логик, не может не видеть причины этого; она состоит в том, что вопросы, предлагаемые народу, суть обыкновенно вопросы *специальные*, между тем как народ может давать лишь ответы *общие*. Механический законодатель, обязанный повиноваться дилемме, не может изменять формулу согласно правде места, времени, обстоятельств; ответ его, рассчитанный на народную фантазию, всегда можно знать заранее, и каков бы он ни был, он непременно будет ложен».

К этим возражениям надо прибавить то, которое мы только что привели против условного полномочия и которое составляет главный аргумент прямого законодательства; а именно, что всякое законодательство исходит из принципа власти и, стало быть, закон, изданный непосредственно самим народом, всё-таки остаётся *законом*; как ни меняй формы, результат всё тот же, т. е. подчинение личностей высшей воле, наложение на них обязательств, которых они добровольно не принимали. После того, не всё ли равно, как называется законодатель и кто он – Минос, Ликург, Конвент, Парламент или Ландсгемейнде, Земская Община, т. е. народ в комициях. Мы хотим совершенного уничтожения законодательной функции, замены закона договором и когда шарлатаны являются с предложением прямого законодательства, как последнего слова демократического прогресса, мы видим в нём только приведение к абсурду правительственной и политической идеи. Действительно, личность законодателя здесь расширена до того, что вмещает в себя весь народ, а результат остаётся всё тот же, и продукт коллективного законодателя оказывается столь же разрушительным для свободы, как и продукт личного законодателя; другими словами, закон, делаемый народом, в сущности, ничем не отличается от закона, делаемого государем; и тот и другой равно утверждение власти; из чего следует, что необходимо, значит, выйти из этого принципа, что закон – вещь отпетая, что он несовместим со свободой и что новый порядок, порядок экономический, осуществление свободы, должен основаться на отрицании закона и правительства.

Интересно будет заметить, что вопрос о прямом законодательстве, который можно бы считать погребённым, казалось, после бесплодной агитации его приверженцев во время февральской республики[37], снова всплыл несколько лет тому назад, и гражданин Риттингаузен при содействии нескольких коммунистов из немцев пытался на рабочем конгрессе в Базеле в 1869-м ввести его в программу Международного Общества [рабочих]. Но энергичная оппозиция бельгийцев, французов и юрцев устранила эту попытку. По этому

поводу глава немецкого социализма, гражданин Либкнехт, бывший в Базеле делегатом Эйзенахского конгресса, воскликнул, что только реакционеры могут быть против теории прямого законодательства. На это один бельгийский депутат отвечал, что прямое законодательство может служить лишь к упрочению правительственного порядка, тогда как Международное общество [рабочих] стремится к уничтожению всякого правительства, каково бы оно ни было.

Заметим, что прямое законодательство действует с незапамятных времён в древнейших кантонах Швейцарии, где существовало рядом с патрициатом, нисколько не препятствуя его влиянию и привилегиям; оно не помешало экономическому порабощению и религиозному одурению этого народа, который политические теоретики называют свободным, но который в действительности, менее свободен, чем любой другой народ в Европе.

Несколько лет тому назад *либеральные* кантоны – Цюрих и Базель (сельский) – также ввели в свои конституции прямое законодательство, и цюрихские работники, заражённые учением немецкой социал-демократической партии, вообразили, что обрели в этом учреждении панацею. Но они начинают подозревать, что обманулись, так как их экономическое положение не улучшилось ни на йоту. Будем надеяться, что рабочие больше не станут забавляться этими бесполезными опытами и что истина, так блистательно доказанная Прудоном и потом так громогласно провозглашённая Международным Обществом [рабочих] – та истина, что вся сущность революции состоит в отрицании правительства – вступить наконец из области теоретической в область фактов.

Прежде чем подвести итоги об этой главе, надо показать, каким образом Прудон излагает преемственный ход антиавторитарной идеи, её первое появление и её развитие.

По его мнению, первым отрицанием идеи власти был Лютер. Но его отрицание не шло далее религиозной области. Его отрицание называлось *свободным исследованием*.

После Лютера принцип свободной критики был перенесён из религии на светские дела протестантами же, а именно гугенотским священником Жюрьеном. Верховной власти по божественному праву, высокопарным защитником которой был Боссюэ[38], Жюрьен противопоставил самодержавие народа и в первый раз употребил выражение *Общественный Договор*.

Затем Руссо и якобинцы снова запутали вопрос, исказив идею общественного договора и восстановив правительственную торию. После того антиавторитарная идея была восстановлена, хотя в робких выражениях и со смутным пониманием, отцом новейшего социализма, Сен-Симоном.

“ «Род человеческий, писал он в 1818-м году, был призван жить сперва под порядком *правительственным и феодальным*».

«Ему было предназначено перейти из-под правительственного или военного порядка под порядок *административный* или *промышленный*, после того как он сделал значительные успехи в положительных науках и индустрии».

«Наконец, по организации своей ему суждено было выдержать продолжительный и сильный кризис при переходе от военной системе к мирной».

Наконец, Прудон взял идею, покинутую учениками Сен-Симона, не понявшими главной мысли своего учителя, и развил её во всей силе её отрицания, дав ей имя *ан-архии*; таким образом, он сделался самым блестящим из её представителей.

Жюрьен вывел своё отрицание правительства из юридической теории договора; Сен-Симон – из исторического наблюдения и из воспитания человечества; Прудон, по его собственным словам, пришёл к нему анализом экономических функций и теории кредита и обмена.

Скажем несколько слов по поводу оценки протестантов у Прудона. Прудон всегда имел слабость к богословию и охотно готов был приписывать богословским препирательствам значение, которого они никогда не имели. Лютер и немецкие протестанты никак не могут считаться представителями свободы. Истинными её представителями в XVI-м веке были гуманисты и атеисты Возрождения; реформа Лютера и Кальвина будучи борьбой против известных обрядов и догматов католической церкви, была в тоже время реакцией против духа Возрождения, против того, истинно человеческого направления, представители которого были Эразм Роттердамский, Ульрих фон Гуттен, Томас Мор, Франсуа Рабле. Впрочем, сам Прудон делает оговорку относительно Лютера: «Лютер, говорит он, подобно Лейбницу, Канту, Гегелю, был человек убеждений вполне правительственных».

III. Общественная ликвидация

Установив эти основные положения т. е. показав необходимость и неизбежность Революции, затем определив принцип, во имя которого она должна совершиться, принцип, состоящий в отрицании власти правительства, в анархии или, другими словами, в замене политического порядка порядком экономическим, Прудон рассматривает практические средства, которыми может быть ликвидировано положение, созданное современным общественным порядком.

Мы сперва изложим план общественной ликвидации, предлагаемой Прудоном, ничего пока от себя не прибавляя.

По Прудону, орудием общественной ликвидации должно быть кредитное учреждение, называемое *Народным Банком*.

Он предлагает, чтобы Национальное собрание декретом отняло нынешний Французский Банк у эксплуатирующей его акционерной компании и объявило его учреждением общественной пользы.

Преобразованный таким образом, Французский банк сделается Народным Банком.

Народный Банк не должен быть государственной собственностью, и управление им не должно иметь ничего общего с правительством. Учреждённый в силу договора, в котором участвуют все граждане, составляя, следовательно, публичную собственность, он должен быть просто публичным учреждением, и в управлении им должны участвовать все участники учредительного договора.

Народный Банк, будучи учреждением, может одним ударом произвести общественную ликвидацию безо всякого потрясения. Для этого достаточно, чтобы он понизил тариф учёта[39]

В специальных сочинениях Прудон вполне доказал возможность существования банка без наличного капитала. Такой Банк, которому не приходилось бы платить акционерам проценты гарантирующего фонда, мог бы, благодаря этому, понизить тариф учёта настолько, что платимый ему процент представлял бы лишь расходы на управление им.

Мы не будем развивать здесь эти доказательства Прудона, потому что пишем не экономический или финансовый трактат, а страницу из истории Революции. Итак, прудоновский Народный Банк понижает тариф учёта до размера, строго необходимого на покрытие расходов по своей администрации, т. е. до половины или даже до четверти

процента.

Таким образом, деньги обходятся производителям вместо 6-и, 7-и, 8-и процентов в сумму едва ощутимую, Народный Банк осуществляет этим способом то, что неправильно называют *даровым кредитом* и что следует называть *кредитом по цене стоимости*.

Рассмотрим последствия этого понижения цены денег во всех финансовых вопросах, относящихся к правительству и к собственности, и нас поразят неожиданные последствия дела, по-видимому, столь простого. Перед нами с удивительной легкостью решаться все запутаннейшие вопросы государственного долга, частных долгов, недвижимой собственности, земельной собственности, и общественная ликвидация собственности совершиться мирно и дружелюбно, не нанеся ущерба ничьим интересам.

а. Государственный Долг

Чтобы сделать следующее изложение яснее, мы возьмём определённые цифры, те самые, которые брал Прудон, хотя они относятся к 1851-му году; они устарели и изменились, но это не переменят аргументацию.

По бюджету 1851-го долг Французского государства простирался приблизительно до 6-и миллиардов, считая тут и текущий долг, и консолидированный[40].

Проценты с него составляли 270 миллионов.

К этой ренте в 270 миллионов надо прибавить другую, которая под именем *погашения* имеет целью уничтожать ежегодно часть постоянной ренты посредством выкупа облигаций. На этот предмет предназначалась сумма в 74 миллиона.

Бесполезно прибавлять, что это погашение никогда ничего не погашает и идёт полностью на покрытие излишка расходов; долг не только не погашается ежегодными выкупами, а, напротив, ежегодно возрастает.

Наконец прибавим к этим 344-м миллионам процентов и мнимое погашение 56-и миллионов пенсий, даваемых правительством на счёт страны своим чиновникам после 25-и или 30-и лет службы; таким образом, мы получаем 400 миллионов, которые государство должно выплачивать безвозмездно.

Проценты долга различны и составляют 5, 4 с половиной, 4 и 3 процента. Это доказывает, что, смотря по обстоятельствам, государство, как все, кто ищет занять, вынуждено принимать условия более или менее обременительные; понятно, что, если бы государство нашло возможность заключить заём на низком проценте, оно могло бы воспользоваться этой возможностью.

Если бы, например, процент денег упал бы на 3 процента, государство могло бы выплатить свои обязательства тем из своих кредиторов, которые берут с него по 5, 4 с половиной и 4 процента, заняв для этой цели сумму, равную уплачиваемому капиталу, по 3 процента. Эта операция, известна под именем обращения, несколько раз уже предпринималась

государством, когда представлялась возможность, и совершенно законно.

Теперь, если бы вследствие финансового переворота, произведённого Народным Банком, государство нашло возможность занять не по 3, а по половине или одной четверти процента, то в такой же пропорции возросла бы лёгкость выплаты долга. Все государственные облигации были бы обращены в одну ренту, платящую половину процента или четверть, и государство могло бы употребить на погашение долга почти всю сумму, которую употребляет теперь на уплату вечной ренты.

Эту ликвидацию можно произвести медленно, в несколько сроков; но её можно значительно ускорить. Прудон согласен на какие угодно проволочки, лишь бы сделать ликвидацию; но он считает выгоднее произвести её быстро.

Вот, что он предлагает для этого:

Продолжать по-прежнему платить проценты предъявителям облигаций; но вместо того, чтобы платить им эти проценты как ренту, давать им их в уплату капитала в виде выплаты с рассрочкой. Эта выплата капитала производилась бы всегда в срок, каков бы ни был биржевой курс, и разница между номинальной стоимостью и курсом составляла бы для владельцев облигаций премию за рассрочку выплаты.

Таким образом, в течение четверти века бюджет Франции освободился бы от громадного бремени долга; министрам было бы строго запрещено заключать впредь новые займы, так как в новом общественном порядке этот обычай старой финансовой системы был бы совершенно покинута. Равным образом были бы уничтожены все пенсии, платимые государством, потому что это дело департаментов, общин, корпораций и ассоциация заботиться о своих инвалидах и награждать их за заслуги.

Здесь Прудон делает очень меткое замечание на счёт политических шарлатанов, предлагающих народу перемены конституции, но ни под каким видом не говорящих ему ни слова о том, что больше всего интересует его, о финансовой эксплуатации, которой его подвергает государство, и о средствах избавиться от неё.

“ «Громадное большинство народа, говорит Прудон, не знает даже, что есть долги. Оно понятия не имеет о погашении, консолидировании, обращении, ежегодных выплатах; оно поразило бы, если бы ему объяснили, что такое заём по 57, 70 или 75. Быть может пройдёт ещё полвека, прежде чем народ будет в состоянии понять тот факт элементарной истории, что с 1789-го по 1852-й дела в правительстве так хорошо изменились, что народ, уничтоживший в 1789-м долги старого порядка, в 1852-м должен был опять ежегодно платить более 400 миллионов под именами государственного долга, погашения займов, пенсии и т. д.; всё это заменило древние феодальные поборы, от которых он воображал себя освобождённым».

И этому то народу, не ведающему того, что больше всего интересуется его, толкует о самодержавии, о законодательстве, правительстве! Чтобы потешить его и отвратить ум его от Революции, ему болтают о политике, о братстве! Живи эти политиканы в 1789-м году, они, право, спасли бы своим благоразумием монархию и феодализм. Они не допустили бы говорить народу о Дефиците, о Красной Книге, о Голодном Союзе, о Десятине, о Феодалных Правах, о Правах Духовенства, о тысячах бедствий, делавших Революцию необходимой».

в. Частные Долги

Управившись с государственным долгом, надо ликвидировать и долги граждан.

Частные долги бывают двоякого рода: ипотечные, когда гарантированы залогом недвижимости; вексельные, когда гарантированы простым письменным документом.

К этому надо прибавить акции коммандитных обществ, где процент независим от прибыли и относится каждый год к дебету обществ.

Проценты, платимые долгами ипотечными и вексельными (включая акции), простираются до суммы 1200 миллионов.

С этими долгами надо сделать тоже, что сделано с государственным. Должники, получая в Народном Банке деньги по половине и четверти процента, воспользовались бы ими, чтобы разделаться со своими кредиторами, т. е. обратили бы свои долги по 6-9 процентов, в долги по половине-четверти процента.

Но тут вот что случится: кредиторы, угрожаемые уплатой и не зная, что делать с своими капиталами, так как их уже нельзя ни ссужать государству, ни заставлять работать в банках, предложат должникам оставить их у себя, довольствуясь той же платой половины или четверти процента, которую должник внёс бы в Народный Банк, если бы захотел при посредстве его обратить свой долг. Значит, денежный процент упадёт везде, а не только в Народном Банке, на половину или четверть процента.

Но это только первая половина операции. Недостаточно платить малый процент кредиторам; надо, чтобы должники совершенно освободились посредством выплаты долга. Выплата, как и для государственных кредиторов, будет рассрочена. Благодаря этому, Народному Банку не придётся немедленно ссудить им годовые платежи.

Прудон резюмирует эти меры в следующем декрете, который по его плану должно было бы издать Национальное Собрание:

“ «Декретом Национального Собрания,

Согласно предшествовавшим декретам, установившим тариф учёта в Банке и проценты государственного долга в половину процента,

Проценты всех долговых обязательств, ипотечных, вексельных, акций, устанавливаются по тому же тарифу.

Уплата не может требоваться иначе как с ежегодной рассрочкой.

Ежегодная выплата для сумм менее 2000 франков полагается в 10 процентов, для сумм более 2000 франков в 5 процентов.

Для облегчения уплаты и для замены прежних ссудных касс один отдел Национального Банка превращается в поземельный банк: максимум его ссуд полагается в 500 миллионов в год»

Таким образом постепенно и без потрясений совершится погашение всех частных долгов.

с. Недвижимая собственность. Строения

То, что сделано для процента с капиталов, должно быть сделано и для квартирной платы; благодаря действию Народного Банка, она будет падать до тех пор, пока не упадёт до нуля.

Действительно, как скоро вышеприведённые меры освободят недвижимую собственность от ипотек и дадут возможность собственникам и предпринимателям находить по дешёвой цене деньги для построек и покупки материала – стоимость построек значительно понизится; старые постройки можно будет дёшево и выгодно исправлять и вследствие всего этого квартирная плата значительно понизится.

С другой стороны, капиталы лишатся выгодного помещения в государственных облигациях и банках, что принудит капиталистов искать им помещения в недвижимостях, именно в домах, всё-таки всегда дающих больше дохода, чем земля. Следовательно, с этой стороны также явится конкуренция: предложение квартир будет стремиться превзойти спрос, и квартирные цены ещё упадут.

Они упадут тем больше, чем ниже будет спускаться процент, взимаемый Банком и уплачиваемый государственным кредиторам; и если бы, как предлагает Прудон, процент денег был тотчас определён в нуль, то и доход с капиталов, вложенных в дома, в скором времени спустился бы до нуля.

Тогда квартирная цена состояла бы только из трёх элементов: погашения капитала, потраченного на постройку, расходов на поддержание здания и налогов; таким образом наёмный контракт превратился бы в простую продажу здания предпринимателем или собственником жильцу.

И здесь Прудон предлагает ускорить это преобразование декретом следующего содержания:

«Со дня издания декрета, имеющего быть изданным будущими народными представителями, всякая плата, внесённая в наём квартиры, будет считаться выкупным взносом за собственность, полагая цену последней в двадцатилетнюю сложность наёмной платы.

Всякий взнос за квартиру будет давать жильцу пропорциональную и нераздельную долю в собственности дома, в котором он живёт, а равно и в собственности строений, принадлежащих к его квартире.

Собственность, выплаченная таким образом, будет постепенно, по мере выкупа переходить под управление общинной администрации, которая в силу выкупа получит право заведовать ей во имя всех жильцов, гарантируя всем им на вечные времена квартиру по цене стоимости здания

Общины могут вступать в сделки с собственниками для немедленной ликвидации и выплаты отдаваемых в наём недвижимостей.

В этих случаях и дабы бать настоящему поколению возможность воспользоваться понижением квартирных цен, общины могут немедленно сбавить цены найма домов, с владельцами которых вступят в сделку, так чтобы окончательный выкуп совершился только в тридцать лет.

Для починки управления и поддержки зданий, равно как и постройки новых домов общины вступают в соглашение с *обществами каменщиков* или ассоциациями строительных работников, согласно принципам и правилам нового общественного договора.

Собственники, занимающие исключительно сами свои дома, сохраняют за собой их собственность пока будут находить это выгодным для себя»

Декрет этот надо сознаться не отличается большой ясностью. Полагаем, однако, что его можно истолковать следующим образом, не искажая мысли автора:

Когда цена домов будет выплачена собственникам жильцами, дома сделаются нераздельной собственностью всех жильцов и будут управляться общинной администрацией; или, что совершенно тоже самое, дома обратятся в коллективную собственность общины. Но Прудон счёл нужным допустить исключение в пользу домов, служащих исключительно жилищем собственников; они могут оставаться личной собственностью живущих в них собственников.

Итак, за этим исключением Прудон высказывается, хотя в довольно тёмных выражениях, за коллективную собственность недвижимостей.

d. Поземельная собственность

Поземельная собственность будет выкуплена совершенно также, как и недвижимости; но вместо того, чтобы сделаться, подобно им, коллективной собственностью, она останется личной.

Прудон приводит два главные основания этого. Первое состоит в том, что, делая землю собственностью коллективной или общинной, следовательно, неотчуждаемой, вместо того, чтобы оставить её собственностью индивидуальной и потому, могущей обмениваться продаваться, - мы этим осудили бы на неподвижность, на *необращение* целую категорию капиталов, самую значительную по своей массе, самую драгоценную по своей прочности. Этот аргумент неоснователен: обращение, в котором общество нуждается для своего потребления и для своего труда, есть обращение продуктов, а не обращение капиталов, служащих для производства.

Второй довод состоит в том, что крестьянин хочет быть собственником и что поэтому было бы в высшей степени невежливо представлять ему социализм, посягающим на его право располагать своей землёй; необходимо принимать в соображение это чувство, столь живое в крестьянине, что всякая революционная попытка, оскорбляющая его, заранее осуждена на неудачу.

Практическое средство ликвидировать нынешние отношения арендатора к собственнику и отдать землю исключительно в руки обрабатывающего её указывается всеми предыдущими способами ликвидации. Стоит только декретировать следующее:

«Всякая уплата обязательства за эксплуатацию земли^[41] доставляет арендатору долю в собственности этой земли и даёт ему ипотечное право на неё.

Раз выплаченная собственность будет непосредственно находиться в ведении общины, которая наследует прежнему собственнику и разделяет с арендатором как право владения, так и чистый доход.

Общины могут вступать в сделки с собственниками, желающими немедленно приступить к уплате рент и к выкупу земель.

После окончательного выкупа поземельной собственности все общины республики должны войти между собой в соглашение для уравнивания разницы в качестве земель, равно как и случайностей обработки. Та часть дохода, на которую они имеют право в принадлежащих им участках будет служить для этого уравнивания и для общего страхования.

Наконец, с того же времени прежние землевладельцы, которые до сих пор, обрабатывая сами свои земли, сохранили свои права, будут уравнены в правах и обязанностях с новыми, так, чтобы случайные выгоды местности и наследства никому особенно не благоприятствовали, и чтобы условия обработки земли были всюду одинаковы.

Поземельный налог отменяется.

Земледельческая полиция поручается муниципальным советам».

Не вступая пока в разбор сущности Прудоновских предложений, мы считаем необходимым сделать несколько замечаний по поводу только что приведённого текста декрета.

Во-первых, Прудон прямо заявил, что земля должна быть индивидуальной собственностью крестьянина, а между тем, его декрет говорит, что «поземельная собственность будет находится во ведении общины, которая наследует прежнему собственнику». Это как бы указывает, что земля сделается коллективной или общинной собственностью? – Ничуть, отвечает Прудон, ибо община, хотя *наследует прежнему собственнику*, получит только известную долю в праве владения, другую же долю в праве собственности получит прежний арендатор, который сделается таким образом совладельцем общинной земли, выкупленной им у прежнего собственника.

Здесь, что ни два слова, то противоречие, и при всей диалектической ловкости Прудона, ему невозможно выбраться из этих противоречий. С одной стороны, он сам провозгласил, что община наследует прежнему собственнику; если она действительно наследует ему, то приобретает полную и исключительную собственность земли. А между тем, далее объявляется, что община не получает права собственности во всей его полноте, что она разделит это право с крестьянином; если это так, если община будет только совладелицей, то она никак не наследует прежнему собственнику, который был полным и настоящим собственником. Первое противоречие.

Кроме того, арендатор выплатил прежнему собственнику цену земли ежегодными взносами. После этого он будет объявлен собственником на место капиталиста, которому он выплатил цену своего участка. Это необходимо, говорит Прудон, потому что условия обращения капиталов требуют, чтобы земля оставалась личной собственностью и была бы в руках крестьянина совершенно тем же, чем пятифранковый билет служит в руках предъявителя. Прекрасно. Но вот его же собственный декрет ставит рядом с крестьянином, который до сих пор, казалось, приобретал землю исключительно в свою собственность, общину, объявляет её совладательницей на равных правах с крестьянином. Что же после этого стало с личной собственностью, с абсолютным правом собственности крестьянина на свою землю, с этим пресловутым правом, вне которого, по словам Прудона, может существовать лишь экономическое и политическое рабство? Второе противоречие.

Прудон хочет подчинить землевладельцев известной повинности, которую они должны платить с целью уравнивать разницу в качестве земель. Повинность эта известна под именем *поземельной ренты*. Высота её различна, смотря по качеству земель, т. е. земля менее производительная платит меньше, чем земля более плодородная; пропорция эта должна быть рассчитана так, чтобы по уплате повинности земледельцы извлекли в результате из своих земель при равной затрате труда равную ценность в продуктах.

Повинность эта должна в то же время служить страховой премией на случай потерь, которые наносят земледельческому труду метеорологические случайности.

Не надо смешивать *поземельную ренту* с *поземельным налогом*. Последний, падая одинаково на все земли, попадает в результате на земледельца и потому должен быть отменён; рента, выражающая лишь разницу между качествами земель, остаётся, и высота её определяется большей или меньшей производительностью земли.

Окончив изложение средств, которыми, по его мнению, может совершиться общественная ликвидация, Прудон повторяет, что требует не того, чтобы быстро действовать, а только, чтобы начать действовать: как бы не шли, скоро или медленно, он будет доволен, лишь бы вышли на хороший путь; большая или меньшая быстрота не изменит сущности деятельности.

«Что касается до меня, прибавляет он, я стою за быстрейший образ действий не из любви к крайностям, как по-видимому полагают, а в убеждении, что это образ действий самый мудрый, самый справедливый, самый консервативный, самый выгодный для всех интересов, для интересов должников, кредиторов, рантье, нанимателей, арендаторов и землевладельцев.

Я ищу крайностей, говорите вы! Неужели же вы думаете, что кроме той примирительной идеи, которую я предпочитаю и предлагаю, нет средств более радикальных и быстрых? Разве вы забыли, что сказал Фридрих Великий мельнику Сан-Суси:

«Знаешь-ли, что я могу взять и не платя?»

А могут быть и средние средства между годичным выкупом и конфискацией. Пусть реакция продолжит ещё свои подвиги, и, может быть, года не пройдёт, как пролетариат потребует от богатых, в качестве вознаграждения за убытки, четверти, трети, половины их собственности, а ещё через несколько лет – всю их собственность. А пролетариат сильнее Фридриха Великого. Тогда крестьяне и работники будут уже требовать не права на труд и не права на прибавочную стоимость[42]; речь пойдёт о праве войны и возмездия. Что ответят им тогда?»

IV. Организация ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИЛ

В этом этюд (предпоследним в его книге) Прудон рассматривает действие различных экономических функций после общественной ликвидации. В этой главе мы опять встречаем те же систематические ошибки, которыми отличались предыдущие рассуждения и которые мы разоблачим ниже

а. Кредит

Народный или Национальный Банк обращения и ссуд есть центральный орган кредита. Он доставляет капиталы беспроцентно, по цене стоимости, т. е. за небольшую комиссионную плату в размере половины или четверти процента, представляющую из себя точные расходы на администрацию.

Остаётся только учредить всюду, где нужно, отделения этого Банка, и мало по малу извлечь из обращения звонкую монету, которая во время ликвидации должна пока оставаться в обращении. Затем общество отнимет у золота и серебра монетную привилегию, которая будет отныне принадлежать исключительно ценным банковским бумагам.

Прудона часто спрашивали, каких условий будет требовать Банк от простого производителя, первого встречного, для того, чтобы дать ему требуемый кредит. Потребуется ли от него залог, и какой? Не потребуется ли удостоверения, что этот производитель получил заказ?

Но в таком случае это учреждает два класса между гражданами: те, которые могут предоставить какой бы то ни было залог, и те, кто не могут это сделать; выйдет нового рода пролетариат, составленный из париев[43], которым навеки закрыт доступ в царство небесное дарового кредита. Если же Банк не будет требовать залога, то всеобщий кредит будет просто расхищаться.

Прудон, не отвечая прямо на это возражение, делает, однако, одно замечание, могущее служить ответом:

“ «Что касается *личного* кредита, говорит он, то не дело Национального Банка заниматься им; этот кредит должен существовать среди рабочих земледельческих и промышленных обществ»

То есть, это значит, что Банк не будет ссужать капиталом, т. е. орудием труда, индивидуального работника, который может получить капитал только через посредничество промышленных и земледельческих обществ, за которым признаётся исключительное право на владение орудием труда.

Но это есть коллективная собственность.

Рабочие общества, владельцы крупных орудий труда, нам уже известны. В первой главе мы уже говорили о них. Но *Земледельческие общества*, которые здесь у Прудона являются наряду с рабочими обществами, далеко не представляют логического вывода из его теории индивидуальной поземельной собственности. Если земля есть личная собственность каждого крестьянина, то крестьянам нет надобности вступать между собой в ассоциации, чтобы получить кредит, и трудно придумать, что мог бы привести прудоновский Банк в оправдание своего отказа в кредите крестьянам, которые проникнувшись прудоновскими правилами, отвергли, отвергали бы ассоциацию, как несовместимую с земледелием. Заметим, что тот же Прудон, который говорит о *земледельческих обществах*, пишет несколькими страницами выше:

“ «Никогда не было видано, чтобы крестьяне составляли общества для возделывания своих полей, и никогда этого не увидят».

Каковы бы ни были эти противоречия – делающие, впрочем, честь Прудону, показывая, что его могучий инстинкт революционера возвращал его на истинный путь, с которого его сбивали иногда ошибочные рассуждения – во всяком случае, вывод из его учения остаётся тот, что отдельный работник не имеет права на кредит. Кредит, который у Прудона есть орудие труда, будет дан только *ассоциациям* производителей, как в промышленности, так и в земледелии.

в. Поземельная Собственность

Теперь мы вынуждены утверждать совершенно противное тому, что только что сказали: а именно, крестьяне не вступают в ассоциацию; Прудон, только что предписывавший им это, теперь положительно запрещает.

Он напоминает, что ликвидация сделала крестьянина собственником его земли; и он объясняет, на основании каких причин нужно было, чтобы собственником земли был крестьянин, а не община или государство.

Будь это община, крестьянин был бы не более как дольщик во владении; индивидуальный труд заменился бы общим, и земледелец не мог бы свободно располагать своим полем. Но, по Прудону, земледелие должно оставаться индивидуальным трудом; каждый крестьянин должен оставаться особняком на своём клочке земли.

Из всех родов производства обработка земли более всех не допускает ассоциационного начала.

Другое средство, состоящее в отдаче всей поземельной собственности государству, имело бы, по словам Прудона, свою хорошую сторону: земледелец, сделавшись арендатором государства, остался бы хозяином своей деятельности; ему не навязывалось бы никакой ассоциации с общим трудом; плати только ренту государству, и государство предоставляло бы ему обрабатывать свою землю, как он знает и хочет. Но вместе с тем, этим сохраняется государство, уничтожение которого есть именно цель ликвидации, чрезмерное право; в его руки отдаётся орудие труда половины нации; правительственный произвол утверждается на веки.

Вот отчего земля должна сделаться личной собственностью крестьянина.

Замечательно, что Прудон не говорит: «Земля должна быть собственностью *того, кто её обрабатывает*». Нет, она должна быть собственностью *крестьянина*. Это различие чрезвычайно важно по последствиям. Так как земля остаётся продажной и покупной, то богатый крестьянин может купить много земли и обрабатывать её наёмными работниками; таким образом может появиться новый сельский пролетариат. Эта перспектива, по-видимому, не заботит Прудона, лишь бы крестьянин не платил аренды капиталисту, а за тем, что этот крестьянин заставит наёмников работать в свою пользу – Прудону до этого нет дела. По-видимому, он признаёт наёмный труд законной формой труда, и единственная несправедливость, которую он видит в буржуазном общественном порядке, это повинность, платимая собственнику-капиталисту предпринимателем или крестьянином.

Наше предположение, что Прудон считал существование класса земледельческих наёмников совместимым с равенством подтверждается ещё тем, что он советует избегать раздробления поземельной собственности и желает восстановления наследств, т. е. крупной собственности. Система же крупной собственности имеет необходимым последствием тот факт, что часть земледельческих работников не владеют своим участком, а работают на чужой земле.

Оставим пока этот вопрос и взглянем на организацию промышленного труда.

с. Рабочие Общества

После общественной ликвидации промышленность представит две категории производителей: работники отдельные (одиночные) и работники в ассоциациях.

Всякая промышленность, эксплуатация или предприятие, требующие по природе своей соединения большого числа работников различных специальностей, предназначены сделаться средоточием рабочего общества или ассоциации. Железные дороги, копи, крупные орудия труда, могущие приводиться в действие лишь коллективной силой, должны сделаться коллективной собственностью общества, орудие труда которого они составляют.

Но там, где продукт может быть получен без соединения специальных способностей, действием одной личности или одного семейства, там ассоциации нет места, и работник предпочтёт остаться одиноким, чтобы сохранить свою свободу.

Мало того: одинокий работник может сделаться хозяином, предпринимателем и держать наёмников. Прудон не видит в этом никакого неудобства.

Вот его подлинные слова об этом:

“ «Первый встречный, умеющий выкроить и сшить пару сапог, может взять патент, открыть лавку и повесить на ней вывеску: *Такой-то, фабрикант обуви* – хотя он и работает один за своим прилавком. Пусть к этому одинокому предпринимателю присоединится товарищ, предпочитающий довольствоваться подённой заработной платой, чем подвергаться риску торговли; из этих двух человек один будет называться хозяином, другой – работником; по своей сути, они совершенно равны, совершенно свободны. Пусть затем к ним явится юноша лет четырнадцати, пятнадцати, желающий научиться мастерству; с ним они уже могут предпринять некоторое разделение труда; но это разделение труда есть необходимое условие обучения; чрезвычайного в нём ничего нет. Положим, что лавка получает много заказов; число работников и учеников может увеличиться, прибавьте швей, может быть приказчика, и получится так называемая мастерская, где шесть, десять, пятнадцать человек делают все почти одну и ту же работу; но соединение их имеет целью только умножение продукта, который остаётся такого рода, что не требует по сущности своей соединения различных специальностей. Поэтому если дела предпринимателя расстроятся, если его постигнет банкротство, работники его ничего не потеряют кроме времени на поиск занятия в другой мастерской; что касается до заказа, то и он не подвергается никакому риску; каждый из работников порознь или все вместе могут взять его на себя».

Здесь надо оговорить – и эта оговорка относится также к земледельческим наёмникам, которых упомянули выше – что, сохраняя класс наёмников, Прудон представляет его себе не в нынешней форме. Заработная плата, по его понятию, должна представлять полную ценность труда работника; стало быть, прибыль хозяина, которая происходит оттого, что хозяин платит работнику за его труд меньше, чем он стоит, прибыль уничтожается. Хозяин имеет на своё существование лишь продукт своего собственного труда, который ценится совершенно по той же цене, как и труд его работников. Правда, в продажной цене продукта хозяин делает надбавку против стоимости материала и ценности труда, взимая сверх того известный процент за общие расходы и страховую премию в виду возможных потерь; но этот процент не имеет ничего общего с тем, что теперь называется прибылью; он представляет действительный расход, в самом деле сделанный для создания продукта и

который поэтому по справедливости надо принимать в расчёт при определении цены продукта.

С этой оговоркой Прудон находит, что новый наёмный труд может сохраниться без ущерба для равенства; в его глазах это законная форма труда; и, по его мнению, было бы нестерпимой тиранией желать уничтожить его и заменить всюду ассоциационным трудом

Мы видели критерий, устанавливаемый Прудоном для определения, какой труд должен исполняться ассоциациями или рабочими обществами и какой должен быть предоставлен одиночным работникам или мелким хозяевам с наёмниками. Этот пункт надо определить точнее.

Необходимость ассоциации, по словам Прудона, вытекает из разделения труда. Если бы все роды продуктов могли твориться одним работником, который один создавал бы продукт во всех его частях и исполнял бы один последовательно все требуемые промышленные операции, ассоциация не могла бы нигде иметь места. Каждый работал бы сам по себе; и, если бы даже работники собирались в одной мастерской, из этого не вышла бы ассоциация, потому что труд каждого работника оставался бы независим от труда его соседей; они не представлялись бы простыми членам промышленной серии, в которой каждый исполняет особенную функцию. Напротив, исполняя все одну и ту же функцию и исполняя её во всех её фазах, они не нуждаются друг в друге для создания своего продукта; они не состоят в ассоциации, мастерская представляет лишь сборище работников независимых и изолированных друг от друга.

Так бывает во множестве мелких ремёсел, где разделение труда нет и где поэтому, как в примере с сапожной мастерской, нет повода к ассоциации.

Но когда предприятие требует совместного действия нескольких разных промыслов, ремёсел, специальностей; когда из этого соединения выходит новый продукт, недоступный одиночному труду; где деятельность каждого человека входит в деятельность другого, как зубцы колеса в зубцы другого; где совокупность работников образует машину, как соединение частей часов или локомотива – тогда, конечно, условия другие. Кто в самом деле может присвоить себе право эксплуатировать подобное рабство? Кто осмелится принять одного человека за молот, другого за лопату, действовать одним как крюком, другим как рычагом?

В этом совершенно определённом случае ассоциация абсолютно необходима и законна, так как без неё мы имеем тиранию, безнравственность и грабёж. Здесь и продукт, и орудие труда составляют общую и нераздельную собственность всех участвующих в труде.

Остаётся рассмотреть организацию рабочих обществ.

Они должны быть основаны на двойном договоре, определяющем их отношения ко всему обществу, и на договоре, определяющем отношения их членов между собой.

В отношении общества рабочее товарищество обязуется поставлять всегда требуемые от него продукты и услуги по цене наиболее близкой к цене стоимости и обращать на пользу публики всевозможные усовершенствования и улучшения.

Для этой цели рабочее товарищество воспрещает себе вступать сделки с другими товариществами (так как это привело бы к восстановлению монополий), подчиняет себя закону конкуренции, предоставляет свои книги и архивы в распоряжение контроля общества, которое сохраняет в отношении его право прекратить его существование, как санкцию своего права контроля.

Мы натываемся здесь на централистский коммунизм; приписывать обществу право уничтожать, кассировать ассоциацию, значит подразумевать существование правительства, заведующего организацией труда.

Что касается договора, определяющего взаимные отношения членов товарищества, вот его главные статьи:

«Всякий член ассоциации, мужчина, женщина, ребёнок, старик, конторщик, подмастерье, работник, ученик, имеет нераздельное право собственности в товариществе.

Он имеет право последовательно исполнять все функции в ассоциации, занимать в ней все должности, сообразно условиям пола и возраста, таланта и старшинства.

Поэтому его воспитание и учение должны быть направлены так, чтобы, подвергая его известной доле неприятных и тяжёлых обязанностей, они вместе с тем, позволяли бы ему проходить целую серию работ и познаний и обеспечивали бы ему этим в зрелом возрасте энциклопедическую способность и достаточный доход.

Все должности избирательны, и уставы подлежат одобрению членов ассоциации.

Заработная плата пропорциональна качеству должности, величин таланта и объёму ответственности[44].

Всякий член ассоциации участвует как в прибылях, так и в обязательствах товарищества в размере своих услуг[45].

Каждый волен выйти из ассоциации и, следовательно, потребовать расчёта и ликвидировать свои права; и с другой стороны, товарищество всегда может принимать новых членов».

Прудон не говорит ничего о положении отдельных работников, не участвующих ни в каком товариществе, а между тем, если, как мы выше видели, кредит будет дарован только ассоциациям, а не личностям, то было бы полезно точнее объяснить, каким образом одинокие работники могут воспользоваться кредитом, который должен служить им орудием

труда.

d. Установление Ценности

Главная сущность прудоновской системы, которая составляет пропасть, разделяющая его учение от теории государственных коммунистов, состоит в том, что для коммунистов, продукты труда принадлежат государству, а не работнику; и государство распределяет их между потребителями.

Напротив, Прудон хочет, чтобы работник вполне пользовался и свободно располагал продуктом своего труда; в этих условиях распределение продуктов уже не может иметь характера *раздачи*, агентом которой являлась бы государственная власть; оно должно совершаться посредством *обмена*.

Но в настоящее время обмен является источником бесчисленных плутней и краж; надо морализировать его, согласовать с законом справедливости. Для этого надо иметь возможность точно определить *ценность* разных продуктов; как скоро эта ценность будет известна, каждая ценность будет обмениваться на другую ценность, действительно равную, так что ни одна из обменивающихся сторон не может понести ущерба.

В настоящее время известен только один способ определения ценности – закон спроса и предложения. Если продукт редок и имеет спрос, ценность его увеличивается; если, напротив, его много, а число его потребителей уменьшается, ценность его падает. Таким образом ценность непостоянна; это качество чрезвычайно неустойчивое, изменяющееся каждую минуту, и потому обмен нельзя подчинить никаким положительным правилам.

Идя против общепринятого мнения, Прудон полагает, что возможно научно и совершенно точно определить ценность продукта. Для этого достаточно анализировать элементы, составляющие его стоимость, т. е. стоимость материала, плату работников и известные надбавочные проценты, представляющие расходы на перевозку, страховую премию, расходы на содержание лавки и т. п. Сумма этих элементов составляет истинную цену продукта или, другими словами, составляет его ценность.

Если все производители взаимно согласятся оценивать свои продукты по их действительной цене, по цене стоимости, обмен будет совершаться в условиях равенства и справедливости; не будет мошеннического повышения на одни продукты, ни искусственного понижения на другие; все добровольно и взаимно откажутся брать при продаже товара барыш или ажио[46], и *равный обмен* будет осуществлён.

На эту теорию коммунисты[47] отвечают: Прудон предаётся иллюзии. Прямой обмен продуктов на продукты и установление ценности – вещи невозможные. Пока продукты останутся товарами и будут обмениваться, они останутся подчинены неизменному закону обмена, а закон этот состоит в следующем:

1) Меновая ценность[48] продукта определяется потребностью в нём потребителя и большим или меньшим его количеством, находящимся на рынке, т. е. спросом и

предложением;

2) При каждом обмене продавец и покупатель вынуждены прибегать к необходимому посреднику, который служит общей мерой ценности; этот посредник – монета. Без неё обмен невозможен, ибо два товара, если их прямо сопоставить друг с другом, оказываются двумя количествами несоизмеримы; отношение между их ценностями может быть выражено лишь при посредстве монеты, этого необходимого агента обмена, который один только может служить им общей мерой.

Злоупотребления, порождаемые обменом, говорят коммунисты, могут быть поэтому устранены лишь одним способом: необходимо радикально уничтожить в продуктах их характер товаров. Заменяв обмен раздачей, мы решаем задачу ценности или, вернее, вовсе уничтожаем её; меновая ценность совершенно исчезает, и продукты сохраняют лишь потребительную ценность (полезность)[49].

По нашему мнению, как Прудон, так и коммунисты одинаково ошибаются, потому что одинаково ставят абсолютные принципы. Искать средства для математически точного определения действительной и абсолютной ценности продукта, по нашему мнению, дело химерическое[50], потому что ценность не абсолютное понятие, а, напротив того, существенно относительное. С другой стороны, не менее химерично требовать, подобно коммунистам, совершенной отмены обмена, потому что для этого потребовалось бы слияние всех жителей земного шара в одну общину, управляемую одной центральной распределяющей властью; но и тут ещё остался бы обмен между различными областями земного шара; для того, чтобы не нанести ущерба одной части общины в пользу другой, пришлось бы известным образом уравновесить вывоз из одной области в другую и ввоз в них, а это уравнивание ничто иное как одна из форм обмена.

Мы не можем братья а priori определять, как решат этот вопрос в будущем рабочие группы. Верно одно только, что они решат его не по-прудоновски и не по-коммунистически, потому что и тому, и другому решению противоречит природа вещей.

Возможно, что в известной мере обмен заменится распределением продуктов, согласно условиям, заключенных между рабочими группами; и в основание этого распределения будет, конечно, принята потребность потребителей, а не какая-нибудь теория ценности; но, с другой стороны, это распределение не может перейти за известную меру, и области/общины и рабочие ассоциации будут принуждены прибегать к обмену и искать, следовательно, средств устроить его на основаниях, как можно менее произвольных. Уничтожение же монополий капиталистов, статистические таблицы труда и потребления, наконец, расширение и усиление производства значительно облегчат эту задачу.

Идти далее и пытаться теперь предугадать подробности было бы слишком смело. Довольно отметить общее направление, от которого абсолютные решения одинаково отклоняются.

V. Критика идеи общественной ликвидации и её прудоновского плана

Все возражения, которые можно сделать на предлагаемый Прудонем план общественного преобразования, сводятся к одному, направленному против самой его идеи способа произвести общественное преобразование. Он называет это преобразование общественной ликвидацией, и выбор этого термина очень ясно указывает общую мысль автора.

Общественная ликвидация! От слов этих часто вставали дыбом волосы на головах добрых буржуев; а между тем если всмотреться попристальнее, в них нет ничего ужасного; мало того, это не только не революционная формула, это формула консервативная.

Действительно, термин этот, заимствованный из конторского языка, который Прудон очень любил, обозначает просто акт, которым точно определяется, с соблюдением всех интересов, актив и пассив каждого из членов общества; таким образом он necessarily подразумевает сохранение *приобретённых* прав и даёт нам вместо революционной расправы легальную юридическую процедуру, результат которой есть не коренное разрушение всего существующего и основание нового общества, а такой порядок вещей, где более или менее идеальная справедливость воздаст каждому своё, соглашая все различные интересы и равно уважая, как притязания капиталиста, так и требования пролетария.

Итак, Прудон дурно поставил задачу и, ставя её таким образом, необходимо должен был прийти к выводам, несогласными с действительностью и несовместимыми с требованиями революции. Но его инстинкт был лучше его системы, вследствие чего ему часто приходится забывать свою логику, делать огромные отступления с пути, который он себе предначертал, и вступать в явное противоречие с самим собой. Мы уже несколько раз указывали на эти противоречия.

Не надо приписывать заблуждению отвлечённой мысли ошибку, в которую впал Прудон. Если даже такой высокий ум не мог найти истинной постановки социальной задачи и сбился с пути, поняв решение её в форме ликвидации, то это был естественный результат той среды, в которой он жил и мыслил. В 1848-м году разделение между буржуазией и пролетариатом было не так резко, как теперь; финансовый феодализм не дошёл тогда ещё до того развития, которое он приобрёл в последующие двадцать лет; со своей стороны, и пролетариат не получил ещё такого ясного сознания полного противоречия своих сословных интересов интересам буржуазии. Сверх того, тогда существовал средний класс, мелкая буржуазия, которая ныне всё более и более исчезает или развращается, поступая в лакейскую службу к крупной буржуазии; но тогда этот класс, многочисленный, развитый и

хранивший воспоминания великой революции, был надеждой социализма. Эта мелкая буржуазия, по мнению всех тогдашних социалистов, была краеугольным камнем революции; без неё казалось, пролетариат, неспособный освободиться сам, должен коснеть в своей инерции; без неё высшая буржуазия, всё более и более падающая нравственно и умственно, неспособна решить великие задачи общего интереса.

Если мы однажды допустим эту точку зрения и признаем необходимым вмешательство мелкой буржуазии, то роль этой буржуазии, принадлежащей одновременно к обоим лагерям, должна быть очевидно примирительная; с одной стороны, она должна была подвинуть высшую буржуазию на уступки, с другой – вынудить у пролетариата обещание уважать приобретённые права. Таким образом общественное преобразование естественным образом является в виде полюбовного соглашения между различными интересами; пролетарии освобождаются от ренты капиталу, рассматриваемой как источник всех зол; капиталисты же продолжают пользоваться своими капиталами и владеть временно землями и недвижимостями, пока их бывшие арендаторы и жильцы не выкупят их у них, выплатив им сумму, определённую с общего согласия.

Итак, мы видим, что система Прудона не есть продукт только личной мысли, а результат специального положения дел, в котором данные задачи были совершенно другие, чем ныне. В самом деле, пролетариат находился тогда в состоянии несовершеннолетия, детства, не мог сам предпринять дела своего освобождения; в то же время тогда существовала мелкая буржуазия, почитавшаяся настоящим народом и главной опорой революции. Оба эти факта должны были придавать проектам общественного преобразования характер соглашения между сословиями. Прудон определял это соглашение именем *общественной ликвидации*. И из этой идеи ликвидации естественно вытекали различные предлагаемые им средства для произведения её, и, прежде всего, Банк дарового кредита.

Действительно, раз задача поставлена так: отдать землю в руки крестьянина не посредством простой и прямой экспроприации, а посредством выкупа; и отдать орудие труда в руки работника, не нанося ущерба собственности капиталиста – представлялось только одно средство решить её – создать учреждение, предназначенное чеканить деньги для пролетариата, дабы он мог заплатить свой выкуп сословию собственников. Вот истинная причина, почему Прудону понадобился его Банк. Банк этот есть необходимое орудие выкупа собственности. По окончании выкупной операции роль его сводится на положение простой меновой конторы.

Стоит только изменить дынные задачи, уничтожить выкуп и дать землю крестьянину и оружие труда работнику без вознаграждения собственника, просто посредством экспроприации – и всё это построение кредита и банка рушится само собой; революции они ни на что не нужны.

Итак, прудоновский Банк есть изобретение, порождённое желанием произвести революцию путём ликвидации, т. е. соглашения. При современном же положении дел только изменники или глупцы могут предлагать пролетариату соглашение; противоречие интересов и принципов таково, что борьба на смерть между требованиями одних и привилегиями других может решить вопрос. Стало быть, теперь уже нельзя говорить об общественной

ликвидации; термин этот потерял всякий смысл; он уже не соответствует нашим революционным понятиям. Мы хотим коренного уничтожения буржуазии, без всякой пощады интересов, которые могут встретиться на пути революции. После этого не стоит в сущности и разбирать, насколько кредитная система, предлагаемая Прудоном, осуществима в действительности; это для нас уже не имеет интереса, так как система эта не входит в рамки революции, как мы её понимаем. Коллективистам не приходится опровергать Прудона; находя у него вещи устарелые, понятия, принадлежавшие безвозвратно минувшему времени, мы просто обходим их, не спрашивая, были бы они осуществимы в своё время; нам довольно знать, что в настоящих условиях революции им нет места.

То же и относительно средств, предлагаемых Прудоном для его ликвидации. Его система выкупов общественных и частных долгов уступает место мере гораздо более радикальной и простому уничтожению общественных и частных долговых обязательств. Выкуп земель и строений заменяется революцией коллективизма простой экспроприацией без всякого вознаграждения собственников; и в эту экспроприацию точно также входят фабрики, заводы, всякого рода мастерские, о которых Прудон даже не упоминает в своей системе выкупа.

Читатель заметил, что в плане Прудона ликвидация совершается посредством декретов, издаваемых законодательной властью. Властью этой, вероятно, Прудон полагал новое национальное собрание, которое должно было выйти из выборов 1852-го и от которого некоторые тогдашние социалисты чаяли чуда; но государственный переворот Бонапарта помешал этому собранию выйти на свет. Как бы то ни было, Прудон, так красноречиво осудив власть и государство, обращается к этому самому государству, чтобы сделать революцию. Тут, конечно, не достаёт логики; если, как он повторяет на каждой странице, революция есть разрушение государства и учреждение анархии, то каким же образом государство может явиться услужливым орудием собственного разрушения?

“ «Законодательная власть, говорит Прудон, выступит в последний раз только затем, чтобы продиктовать своё завещание».

Прекрасно, но то же самое говорят и государственные коммунисты, утверждающие, что они только затем и хотят овладеть политической властью, чтобы уничтожить её, как скоро она очутится в их руках; и если мы не принимаем этого объяснения со стороны коммунистов, то оно не лучше и в устах Прудона.

Революция, как мы её понимаем, действует иначе; она не производится с помощью декретов какой-нибудь власти, каким бы революционным и народным именем она себя не величала. Наша революция исходит из революционного факта; этот факт естественный результат борьбы, из которой пролетариат выйдет победителем, будет предшествовать всякому организационному факту; организация, какая бы то ни было, только заявляет революционный факт и новые условия труда. Другими словами, менее абстрактными,

рабочие и крестьяне овладевают землями, строениями, мастерскими, драгоценными металлами, всем общественным капиталом, помимо всяких теорий и мало заботясь о том, под какой рубрикой записан этот акт у социалистических мыслителей, под рубрикой ли *коммунизма*, или *мютюэлизма*, или *коллективизма*; в то же время они уничтожают не фразами декрета, а актами – всё, что служило ходу буржуазных учреждений – бумаги, долговые записи, таблицы налогов, государственные регистры, нотариальные акты, банковские книги и прочее. Это велико движение уничтожения существующего порядка и вступление во владение общественным капиталом совершается путём местного мятежа, непосредственно произведённого самим народом, а не руководимого диктатурой центральной власти; поэтому, по окончании революции в наличности оказываются лишь общины и рабочие группы, которые федерируются как хотят, и входят между собой в свободные соглашения.

Таков второй пункт, по которому мы совершенно расходимся с Прудонем. Он хочет произвести революцию государством; ему надобно *Ликвидирующее Государство*. Мы, напротив, хотим революции посредством масс, без и против государства.

Нам остаётся ещё рассмотреть один важный вопрос – вопрос собственности. Всё, что мы до сих пор сказали, не предрешает его; вопрос о форме собственности остаётся нетронутым. Рассмотрим решения, предлагаемые на этот счёт Прудонем, потому что решения эти могут быть хороши независимо от его системы производства *его ликвидации*.

Прудон различает три рода собственности и для каждого из них даёт особое решение: земли, строения и рабочий инструмент.

Мы видели, что, по Прудону, земля должна остаться индивидуальной собственностью крестьянина. С другой стороны, он даёт общине участие в праве владения и в чистом доходе с земли, что представляет из себя противоречие с привилегией, данной им крестьянам.

Тоже и относительно строений; они принадлежат общине, а между тем жилец, выплативший ценность занимаемой им недвижимости, получает пропорциональную и нераздельную долю в собственности всех построек, принадлежащих общине.

Мы не будем пытаться примирить эти противоречия. По нашему мнению, они служат доказательством того факта, что Прудон из отвращения к авторитарному коммунизму пришёл, с одной стороны, к сохранению индивидуальной собственности; но в то же время он понимал невыгоды этой формы и предчувствовал необходимость и возможность такой организации, которая, не впадая в авторитарный коммунизм, т. е. в государственную собственность, тем не менее, отменила бы индивидуальную собственность. Эта организация, которой первое выражение мы находим, таким образом, в самих противоречиях Прудона, где она является неправильным и инстинктивным планом, есть *коллективизм*.

Коллективизм заключается в необходимости коллективной собственности на основании фактов, представляемых современным развитием производства, где всюду мелкая

промышленность и мелкая культура заменяются крупной промышленностью и крупной культурой. Мы признаём принцип, что орудие труда должно быть собственностью работника; но возьмём в примере орудия труда машину, занимающую руки сотни работников, или сельскохозяйственную эксплуатацию, требующую труда сотни крестьян; очевидно, что эту машину или землю нельзя раздробить, чтобы части её раздать работникам; машина или земля, становясь собственностью тех, кто пользуется ими, чтобы производить посредством их, должны быть собственностью *нераздельной* или *коллективной*. Прудон допустил этот принцип в организации своих рабочих товариществ.

Право собственности на орудие труда даётся работникам не какой бы то ни было правительственной властью: ассоциации производителей не делаются государственными арендаторами, платящими государству известную повинность за пользование уступленным им орудием труда. Это был бы авторитарный коммунизм.

Коллективизм же, беря, как мы сказали, исходной точкой революционный факт, понимает дело иначе. Различные ассоциации, овладев орудиями своего труда, вступают между собой в федерацию с целью регулирования распределения и обмена продуктов, как и количества производства; они взаимно гарантируют друг другу пользование орудиями труда контрактами, цель которых – воспрепятствовать одной ассоциации овладеть монополией и создать себе привилегированное положение эксплуатацией других. Этот надзор за ассоциациями, который Прудон поручал обществу (т. е. власти, будто бы представляющей общество – или, другими словами, государству), давая даже обществу право распускать ассоциацию, нарушившую свои обязательства – по нашему мнению, это право должно принадлежать самим ассоциациям; они, другие ассоциации, должны непосредственно наблюдать за исполнением существующих обязательств; с этой целью они кроме грубой силы, которая была бы единственным средством государства, располагают ещё более сильным средством; оно состоит в наложении интердикта на ассоциацию, не выполнившую своих обязательств, т. е. в прекращении всяких сношений с ней и в разрыве с ней солидарности.

Мы не считаем нужным объяснять громадную разницу между этой организацией *коллективности* и *анархии*, основанной на автономии групп, свободно федерирующихся между собой, и организацией *авторитарного коммунизма*, отдающего всю собственность в руки государства и обращающего работников в государственных наёмников. Авторитарный коммунизм, главной представительницей которого служит в настоящее время школа Карла Маркса, монополизировала таким образом собственность уже не в пользу буржуазии, а в пользу фикции, в пользу абстракции, существа воображаемого – государства; но для народа эта фикция воплотится в слишком конкретных представителей, государственных людей, чиновников, которые будут по произволу располагать общественным капиталом. Рабочие ассоциации, не владея прямо этим капиталом, будут принуждены спрашивать разрешения пользоваться им у государства через посредство его чиновников, так что последние сделаются распорядителями общественного состояния. На это возражают, что эти чиновники будут избираться народом и что, следовательно, они поневоле должны будут исполнять народную волю; но мы уже достаточно показали, говоря об всеобщем избирательном праве, насколько можно полагаться на мнимое народное самодержавие, выражающееся выборным путём; мы показали, что это только усовершенствованная форма

рабства масс.

Мы полагаем, что этих замечаний достаточно, чтобы выяснить в чём мы расходимся с Прудоном; мы полагаем также, что из наших объяснений стало ясно, что если заменить исходную точку Прудона – *соглашение* или *ликвидацию* – нашей точкой зрения – *разрушительной революции* – то приходишь к теории *коллективизма*, как к логическому следствию принципа анархии развитого самим Прудоном.

В заключение напомним, что Прудон не отрекается совершенно от революционного образа действия; он, правда, строит свою систему через полюбовную ликвидацию, но предусматривает также случай, если буржуазия не согласится на сделку, которая тогда заменится революционным погромом. И тогда, говорит он, уже не будет речи о выкупе, о вознаграждении; пролетариат подвергнет буржуазию экспроприации во имя права войны и возмездия. Но Прудон не хочет останавливаться перед этой перспективой и пишет свою книгу в предположении, что дело обойдётся мирно. Мы же стоим на революционной точке зрения, и те замечания, которыми мы дополнили изложение прудоновской теории, в сущности ничто иное, как выводы из книги Прудона, выводы, которые он сделал бы сам, если бы принял за основание умозаключение революционное, а не полюбовное решение вопроса; но в 1848-м году это решение представлялось ещё смутно среди разных других возможных случайностей будущего, тогда как теперь оно является единственной и близкой действительностью.

VI. Общество без правительства

Разложение правительства в Экономическом организме

Наконец, мы дошли до седьмого и последнего этюда книги Прудона. В нём мы имеем не изложение какой-нибудь организационной системы, а, напротив, отрицание, разрушение правительства; поэтому здесь нам не придётся отступать от аргументации автора, за исключением нескольких мест, где он рассуждает на основании гипотезы учреждения своего Банка и своей кредитной системы и где поэтому, хотя оставаясь верным порядку идей, составляющих его анархическую теорию и общих ему с нами, он по некоторым вопросам высказывает мысли, принадлежащие исключительно его личной точке зрения и которые мы не можем принять.

“ «Между политическим порядком и порядком экономическим, говорит Прудон, между порядком, основанным на законах и порядком, основанным на договорах – слияние невозможно; надо выбирать что-нибудь одно. Бык не может, оставаясь быком, сделаться орлом или летучей мышью с улиткой. Так и общество, сохраняя в какой бы то ни было степени политическую форму, не может организоваться по экономическому закону. Как согласить местную инициативу с преобладанием центральной власти? Общую подачу голосов с чиновнической иерархией? Принцип, что никто не обязан повиноваться закону, если сам прямо не давал согласия на него, с правом большинства? Писатель, который, сознавая эти противоречия, тем не менее пытался бы разрешить их, не выказал бы этим даже смелости, а показал бы себя только жалким шарлатаном».

«Это столько раз доказанная несовместимость этих двух порядков недостаточна, однако, для убеждения публицистов, которые, соглашаясь с опасностями, представляемыми властью, тем не менее держатся за неё, как за единственное средство обеспечить порядок и вне её видят лишь пустоту и отчаяние. Подобно больному в комедии, которому говорят, что единственное средство ему вылечиться – прогнать своих докторов, они спрашивают, как может порядочный человек обходиться без докторов, общество без правительства. Они готовы сделать своё правительство каким угодно: республиканским, добродушным, либеральным, эгалитарным; они

готовы брать против него какие угодно гарантии; они готовы сколько угодно унижать его перед величеством граждан; они твердят нам: «Правительство – это вы! Управляйте сами, без президента, без представителей, без делегатов! Стало быть, чего же вам ещё хотеть?» Но жить без правительства, уничтожить абсолютно всякую власть без остатка; водворить чистую анархию – это для них непостижимо, нелепо. «Чем же восклицают они, заменяют правительство те, кто толкует о его уничтожении?».

На этот вопрос мы и дадим ответ в настоящей главе. Мы покажем, каким образом все правительственные функции могут и должны быть уничтожены.

а. Культы

Во всех странах и с самого начала человеческой истории религия тесно связана с правительством: церковь, сестра государства и имела назначением давать божественное освящение эксплуатации господствующих классов, отрегулированную под именем государства и правительства.

В наше время церковь ещё связана с государством и представляет поэтому учреждение политическое. Связью этой служит бюджет культов; стоит только уничтожить его, возратить в то же время в коллективную собственность все приобретения духовенства, как движимости, так и недвижимости, и церковь перестанет существовать как учреждение.

Но, скажут, вера всё-таки останется, и верующие, которым нельзя же будет запретить поддерживать добровольными приношениями отправление их культа, сохранять в сердцах своих преданность древним верованиям. Пускай. Эта преданность, сделавшись исключительно платонической, не будет представлять опасности; священник, потеряв своё официальное жреческое достоинство и вынужденный сделаться работником, чтобы жить, лишится обаяния своего сана, а с ним и своего влияния на невежественные и поработщённые массы. Решение экономического вопроса есть вместе с тем ключ к вопросу религиозному. Когда люди будут на земле пользоваться благополучием, миром, справедливостью и всеми благами, осуществление которых религия сулит им только в будущей жизни, они очень скоро потеряют привычку предаваться мистическим влечениям и полагаться на отдалённые обещания небесного блаженства.

“ «Католицизм и вообще религия должны покориться своей участи, говорит Прудон: - дело революции в XIX-м веке уничтожить их»

«Я говорю это не по неверию и не по злобе на религию; я никогда не был вольнодумцем и злобы ни к кому не имею. Я высказываю только вывод или, пожалуй, делаю предсказание. Ныне все против попа. Если только реакции не удастся перестроить общество от основания до вершины, переделать его тело и душу, его идеи, интересы, стремления, христианству не жить и двадцать пять лет. Не пройдёт, может быть, и полвека, как попа будут преследовать за исполнение его должности по обвинению в мошенничестве».

Сюда относится одна из оригинальнейших страниц Прудона, его исповедание веры атеиста; мы приведём её, сожалея, что перевод не может вполне передать её своеобразного красноречия.

“ «Церковь ещё держится у нас и находит предлог к своему существованию, только благодаря трусости самозванных республиканцев, которые почти все не ушли дальше исповедания веры Савойского викария[51]. Подобно эфиопам, о которых мне рассказывал однажды доктор Обер и которые, мучимые ленточной глистой, выгоняют часть её, тщательно заботясь, чтобы голова оставалась. Эти деисты исключают из религии всё неудобное и щекотливое для них, но ни под каким видом не соглашаются выгнать из себя её принципы, вечный источник суеверий, грабежа и тирании. Пусть не будет культа, таинств, откровений – на это они согласны. Но не трогайте их Бога; это, по их мнению, отцеубийство. Оттого суеверия, захваты, пауперизм[52] вечно возрождаются, как члены ленточной глисты. И эти то люди хотят управлять республикой!»

«Более восемнадцать веков тому назад один человек пытался, как мы теперь, возродить человечество. Видя святость его жизни, поражённый громадностью его ума, силою его негодований, Дух Революции, противник Предвечного, признал в нём своего сына. Он явился ему и, показав ему все царства земли, сказал: Даю их тебе все; только признай меня своим творцом и поклонись мне. – Нет, отвечал Назарянин: - я поклоняюсь Богу и ему одному буду служить. Непоследовательный преобразователь был распят. После него фарисеи, мытари, попы и цари явились ещё более свирепыми, более алчными, более подлыми, чем когда-либо, и революция, двадцать раз сызнана предпринимаемая, двадцать раз покидаемая, осталась неразрешённой. Приди ко мне Люцифер, Сатана, кто бы ты ни был, Демон, которого вера моих отцов противопоставила Богу и Церкви! Я возведу твоё слово и не прошу у тебя ничего».

Но что такое атеизм? Отрицание-ли это только? Не есть ли это вместе с тем утверждение? Не есть ли это положительный человеческий принцип, предназначенный заменить Бога? Конечно, и этот принцип выражается Прудон в равенстве, где человеческий принцип занимает место неизвестного;

“ «Бог относится к «Х», как правительственный порядок к порядку промышленному»

Это значит, что промышленный порядок выработает после социальной революции человеческую философию, которая будет выражением новых понятий о нравственности и справедливости, продуктом этой эгалитарной среды, как до сих пор богословие было необходимым продуктом правительственного порядка.

b. Правосудие

В средние века правосудие понималось как атрибут сеньориальной власти, как коронное право, как одна из привилегий власти; и во имя этой то идеи государство до сих пор приписывает себе право судить, произносить приговоры и налагать наказания.

Имеет ли действительно государство право судить и наказывать, разбирать поведение человека и объявлять его виновным или даже признавать его невинным?

Мы отрицаем это. Никто не в праве судить своего ближнего, никакая власть не может произнести против человеческого существа законного приговора. Только сам человек может судить себя, т. е. определять качество своих действий и постановлять для себя в известных данных случаях известное наказание. Вне этого приговора, поставленного с согласия самого виновного, мнимые акты правосудия, исполняемые обществом, суть акты войны и насилия.

“ «Я живу в обществе несчастных, писал Прудон (вспомнил, что его книга писана в тюрьме), которых юстиция притягивает за кражу, подлоги, банкротства, покушения против нравственности, детоубийства, убийства»

«Сколько мне удалось узнать, большинство их уличено, хотя не созналось, *rei sed non confessi*[53]; и я полагаю, что, не клеветая на них, можно сказать, что это далеко не безупречные субъекты»

«Я понимаю, что этих людей, воюющих против ближних, заставляют вознаграждать причиняемое ими зло, нести расход издержек, которые они

сами вынуждают делать и платить сверх того известную пеню за скандал и страх, которые они причиняют более или менее умышленно. Повторяю, мне понятно это применение закона войны между врагами. Война может иметь не скажу – своё правосудие – это было бы осквернение этого святого имени – но своё равновесие».

«Но я отрицаю, чтобы этих людей можно было запереть в тюрьмы под предлогом покаяния; чтобы их можно было заковывать в железо, срамить, мучить их тело и душу, гильотинировать или, что ещё хуже, ставить по истечении срока наказания под надзор полиции, которая своими неизбежными огласками преследует их во всяком убежище. Я положительнейшим образом отрицаю, чтобы какие бы то ни было основания, как в обществе, так и в совести и рассудке, разрешали подобную тиранию. Делая это закон не правосудие отправляет, а предаётся мести, самой жестокой и несправедливой, мести, которая является последним остатком древней ненависти патрицианских классов к порабощённым»

«Заклучили ли вы с этими людьми договор, чтобы иметь право отплачивать им за их проступки цепями, кровью, позором? Дали ли вы им какие-нибудь гарантии, на которых можете основываться? Приняли ли они какие-нибудь условия, которые потом нарушили? Указаны ли с общего согласия какие-нибудь границы страстям, которые бы они потом преступили? Что вы для них сделали такого, что и они обязаны для вас сделать и чем они вообще обязаны вам? Я ищу вольного и свободного договора, который связывал бы их, и вижу только меч правосудия, занесённый над их головами – меч власти. Я требую, чтобы мне показали подлинное обоюдное соглашение, подписанное их рукой и свидетельствующее о их нарушении его, а мне показывают произвольные и односторонние предписания законодателя, которому только содействие палача может придать значение в их глазах»

«Где не было соглашения, не может быть ни преступления, ни правонарушения. И я ловлю вас на ваших собственных правилах: *Всё, что не запрещено законом дозволено; и закон предписывает лишь для будущего и обратного действия не имеет*»

«Но закон, пока я его не одобрил, не признал, не утвердил своим согласием, не скрепил своей подписью, не обязывает меня, не существует. Устанавливать его без моего согласия и потом опираться на это установление против моего протеста – значит давать ему обратное действие, значит нарушать его самого. Вам ежедневно случается отменять решения за несоблюдение формы. Подумайте, что у вас нет акта, который не подлежал бы отмене за несостоятельность самую чудовищную – за подмену закона! Суфляр, Ласнер[54], все злодеи, посланные вами на казнь, ворочаются в своих могилах и обвиняют вас в юридическом подлоге. Что вам ответить им?»

«Не толкуйте о подразумеваемом согласии, о вечных началах общества, о морали нации, о религиозной совести. Потому то именно и следовало выразить правила права и нравственности и предложить их на общее согласие, что общечеловеческая совесть признаёт и право, и нравственность, и общественность. А вы сделали это? Нет; вы предписали, что вам вздумалось, и называете этот указ правилом совести, выражением общего согласия. Нет, стойте! В наших законах слишком много пристрастия, слишком много подразумеваемого, двусмысленного, слишком много такого, на что мы не согласны. Мы протестуем и против ваших законов, и против вашего правосудия»

«Общее согласие! Оно напоминает другой мнимый принцип, выдаваемый вами также за великое приобретение: всякий обвинённый должен быть судим своими равными, которые суть его *естественные судьи*. Какая насмешка! Какие же могут быть естественные судьи у этого человека, который не участвовал в обсуждении закона, не давал на него своего согласия, который даже не читал закона, даже не понял бы его, если бы ему прочли его, с которым не советовались при выборе законодателя? Как? Естественные судьи пролетария – это капиталисты, собственники, счастливы, находящиеся в сделке с правительством, пользующиеся его покровительством и благосклонностью? Это *честные и свободные люди*, и они-то *по своей чести и совести* – какая гарантия для обвинённого! – *перед Богом* – о котором он никогда не слыхивал – *и перед людьми* – в числе которых он не считается – объявляют его виновным; и если он укажет на дурные условия, в которых его поставило общество, если он напомним все бедствия своей жизни, все горечи своего существования, они в ответ сошлются на подразумеваемое согласие и на общечеловеческую совесть!»

«Правосудие может быть только одно, то, которому обвинённый подвергает себя сам. И так будет, когда каждый гражданин будет прямым участником в общественном договоре; когда этот торжественный договор определит права, обязанности и принадлежности каждого; когда обменены будут гарантии и принята санкция»

«Тогда правосудие, исходя из свободы, перестанет быть местью и будет вознаграждением. Тогда судебный процесс сведётся к простому собранию свидетелей; между истцом и ответчиком, между тяжущимися не нужно будет других посредников, кроме друзей, на решение которых они положатся»

«Полное, немедленное, безотлагательное уничтожение без всякой замены судов есть одна из первых необходимостей революции. Пусть полагают сроки для других реформ; пусть общественная ликвидация, например, совершится лишь в двадцать пять лет; пусть организация экономических сил произойдёт только через полвека; но отмена юридических властей не

термит ни малейшего промедления»

«С точки зрения принципов, организованное правосудие, правосудие в форме учреждения, есть непременно формула деспотизма, следовательно, отрицание свободы и права. Везде, где вы оставите юрисдикцию, вы оставите зародыш реакции, из которого рано или поздно разовьётся политическая или религиозная автократия»

«С политической точки зрения, поручить старым юристам, одержимым роковыми понятиями, истолкование нового общественного договора было бы губительно для него. Дело и теперь ясно: юристы оттого так беспощадны к социалистам, потому что социализм есть отрицание юридической функции и служащего ей основой закона. Когда судья решает участь гражданина, обвиняемого законом в революционных мыслях, словах или писаниях, он не виновного судит, а поражает врага. Из уважения к правосудию уничтожьте этих чиновников, которые борются за свои тоги и очаги»

Каждый революционер, конечно, может безусловно согласиться с каждым словом этой красноречивой страницы, где Прудон разрушает старое юридическое строение, которое заодно с армией и церковью составляет один из прочнейших столпов государства.

Далее, в заключение своей книги, Прудон излагает конституцию договора взаимности и справедливости между людьми; это изложение составляет необходимое дополнение предыдущей цитаты:

“ «Разум при помощи опыта излагает человеку законы Природы и Общества; затем он говорит ему:

Законы эти суть законы самой необходимости. Их никто не делал; никто не навязывает их тебе силой. Они были открыты мало-помалу, и я существую, чтобы свидетельствовать о них

Соблюдая их, ты будешь добр и справедлив.

Нарушая их, ты становишься зол и несправедлив.

Других оснований я тебе не предлагаю»

«Уже некоторые из ближних твоих признали, что справедливость лучше для всех и для каждого, чем несправедливость, и взаимно согласились хранить в отношении друг друга верность и уважать права друг друга, т. е. почитать

правила взаимного договора, которые сама природа вещей указывает как единственно способные обеспечить в широчайшем размере благосостояние, безопасность и мир»

«Хочешь ли присоединиться к этому договору, вступить в общество этих людей?

Обещаешь ли уважать честь, свободу и благо своих братьев?

Обещаешь ли никогда не присваивать ни насилием, ни обманом, ни лихвой, ни ажиотажем продукты и достояние другого?

Обещаешь ли никогда не лгать и не обманывать ни в правосудии, ни в торговле и ни в каких иных отношениях твоих?

Ты волен согласиться или отказаться»

«Отказываясь, ты остаёшься членом общества дикарей. Отрёкшись от общения с человеческим родом, ты становишься подозрителен. Никто не защитит тебя. При малейшей обиде первый встречный может поразить тебя, не подвергшись иному обвинению, кроме обвинения в беспощадной жестокости над зверем»

«Присягая договору, ты делаешься членом общества свободных людей. Все братья обязуются в отношении тебя, обещают тебе верность, дружбу, помощь, услуги, обмен. В случае нарушения с их или твоей стороны по небрежности, гневу или злему умыслу, вы ответственны друг перед другом за нанесённый ущерб, равно как и за причинённый вами соблазн и страх; эта ответственность может выражаться в наказании, смотря по тяжести клятвенарушения и в случае его частого повторения, вплоть до исключения из общества и смерти».

с. Администрация. Полиция

Мы не будем долго останавливаться на этой главе. Бюрократия так часто подвергалась критик, что повторять эту критику ещё лишний раз не стоит. Прудон подробно обличает невыгоды административной централизации, которую Республиканцы выдают за славнейшее творение революции.

“ «Если бы, говорит он, мне приходилось бы говорить с людьми, проникнутыми любовью к свободе и имеющими самоуважение, и, если бы я хотел возбудить их к мятежу, я вместо всяких речей, ограничился бы

Мы не преследуем за ним в этом перечислении. Довольно напомнить, что с уничтожением государства, администрация и полиция сделаются чисто общинными функциями, деятельностью; потеряв свои правительственные связи, они лишаются своего авторитарного, произвольного характера и становятся чисто экономическими функциями, совершенно аналогичными тем, которые в промышленном порядке исполняют все работники.

d. Народное просвещение. Общественные работы. Земледелие и торговля. Финансы

Прудоновская теория образования приобрела популярность под именем интегрального (всестороннего) образования. Программа его не раз развивалась на интернациональных конгрессах подробнее, чем у самого Прудона.

По республиканцам, образование должно быть *даровым*, т.е. бесплатным и *обязательным*. Это пустая фраза. Пока образование остаётся порученным государству, называть его *даровым* – надувательство, а делать *обязательным* – несправедливое насилие.

Действительно, образование, даваемое государством, может быть даровым лишь по видимости. Услуги, требуемые от государства, должны быть оплачиваемы с помощью налога, и оплачиваемы очень дорого; народ давно знает это по опыту. А кто, в конце концов, платит налоги? Не работник ли?

Что касается обязательности, то в высшей степени несправедливо принуждать ребёнка посещать школу, не давая ему в то же время необходимых средств к существованию. Что отвечать родителям, которые вынуждены, чтобы прокармливать своих детей, передавать их в когти промышленника, едва они достигнут возраста, в котором могут работать? Государство, имеющее претензию обязать детей посещать школу, должно быть вместе с тем взять на себя обязательство содержать их.

Но оно не могло бы взять на себя этого нового обязательства, не увеличив налога, так что в результате опять-таки работник платил бы за всё, и вышло бы только новое надувательство.

Социалисты ставят вопрос иначе. Образование, говорят они, должно даваться за счёт коллективности[55]; она даёт ссуду детям в виде средств для получения материального и нравственного воспитания, и они, повзрослев, возвратят её своим трудом. Решив таким образом вопрос о расходах, социалисты допускают обязательность, но со следующими двумя оговорками:

Обязательность не налагает на родителей никакой новой обязанности и не грозит им никакой карой; она только лишает их права, доселе признанного за ними, оставлять своих

детей в невежестве, отнимать у них возможность получать образование, которое до сих пор было им предоставлено, и передаёт эту заботу коллективности. Кроме того, обязательность не влечёт за собой никаких принудительных мер против ребёнка, который питает отвращение к науке только из-за неспособности тех, кто до сих пор руководил им в ней.

Образование, прибавляют социалисты, должно быть *интегральным*, всесторонним т. е., с одной стороны, оно должно включать в себя не одну отвлечённую теорию, но и профессиональную практику; с другой же стороны, оно не должно ограничиваться одной или несколькими специальностями, а простирается на всю совокупность человеческих знаний.

Если мы будем рассматривать человека с индивидуальной точки зрения, с точки зрения человеческого права знать всё и развивать свой ум во всю полноту возможного развития, то план образования представится нам в следующем виде: Познание великих научных законов, способов исследования, приведших к открытию их, общее понятие о промышленности и её современных способах, теоретическое и практическое изучение главных инструментов её, развитие художественного чувства, практическое изучение справедливости посредством ежедневных отношений.

Но цел человека не только своё личное развитие; он должен сделаться полезным членом коллективности, способным занимать в ней одну или несколько определённых должностей; стало быть, он должен стараться приобрести известную степень искусства в нескольких различных специальностях; и эта часть образования не менее важна, чем приобретение общих познаний в науках[56].

Образование по подобному плану не могло бы даваться, как теперешнее, в школе, где дело учителя – преподавать ученикам известные слова и формулы. Образование должно быть здесь нераздельным с ремесленным учением, обучение науке с профессиональным обучением.

“ «Разделять, говорит Прудон, научное образования и профессиональное и, ещё хуже, разделять профессиональное образование от настоящего, полезного, серьёзного, ежедневного занятия ремеслом – значит воспроизводить в новой форме разделение власти и классов, два сильнейших орудия правительственной тирании и подчинения работников»

«Пролетариям следует подумать об этом»

«Если школа горного дела есть что-то иное, а не горный труд, сопровождаемый изучением науки, относящейся к горнодобывающей промышленности, то школа эта будет производить не горнорабочих, а их начальников, аристократов»

«Если школа декоративно-прикладного искусства не есть изучение искусства и производства её, а что-то иное, то из неё будут выходить не умельцы, а их директора, аристократы»

«Если школа финансов не лавка, не контора, не магазин, а что-то иное, она создаст не торговцев, а баронов торговли, аристократов»

«Если морская школа не есть просто служба на корабле, начиная с юнги, то она будет лишь средством разделять моряков на два класса: на класс матросов и на класс офицеров»

«Так и бывает в нашем порядке политической тирании и промышленной анархии. Наши школы – это или учреждения роскоши и предлоги для sinecur, или семинарии аристократизма. Школы Политехническая, Нормальная, Сен-Сирская (военная), юридическая и прочие учреждены не для народа; они учреждены, чтобы поддерживать, укреплять, увеличивать разделение классов, чтобы довершать и упрочивать разрыв между буржуазией и пролетариатом»

«В настоящей, подлинной демократии, где каждый должен иметь под рукой, у себя дома высшее и низшее образование, это школьная иерархия немыслима. Это противоречит принципу общества. Как скоро воспитание слилось бы с обучением, как скоро в теории оно состояло бы в классификации идей, а на практике в разделении труда, как скоро оно сделалось бы одновременно делом умственным, трудовым и хозяйственным – оно не будет зависеть от государства, оно не будет совместна с правительством!»

Итак, министерство народного просвещения уничтожается.

Вместе с ними в экономической организации исчезают министерства общественных работ, земледелия, торговли и финансов.

Первое невозможно, когда инициатива принадлежит общинам в деле предприятия работ в их округах, а инициатива в исполнении этих работ – рабочим товариществам.

Да и зачем здесь центральная администрация? Она не только не приводит интересы в гармонию, как утверждают её приверженцы, а, напротив, порождает привилегии, позволяя центральной власти покровительствовать одним общинам в ущерб другим. Единственное средство создать истинную гармонию интересов состоит в прямом согласии между собой всех общин, заинтересованных в каком-нибудь общепольном предприятии. Здесь, как всюду, централизация, проповедуемая якобинцами и государственными коммунистами, является агентом продажности, фаворитизма и порабощения.

Земледелие и торговля – дело ассоциации производителей, а не государства. Государство, даже коммунистическое, о котором мечтают последователи Маркса, ставя себя на место свободных ассоциаций и заявляя притязание возвысить земледельческий труд посредством централизованной администрации, поручая своей бюрократии заведовать обработкой земли и выплачивать заработок крестьянам, превращённых таким образом в государственных чиновников и копающих землю под его надзором, привело бы к ужаснейшей неурядице, к плачевнейшему расхищению и к гнуснейшему деспотизму.

Что касается торговли, то пусть предоставят ассоциациям производителей и общинам учреждать свои обменные конторы; эти конторы вступят между собой в федерацию; общая и точная статистика позволит определить нормальное отношение между производством и потреблением различных продуктов; и люди без всякого вмешательства центральной власти очень быстро достигнут удовлетворительной деятельности этих общинных контор, которые в будущем обществе будут служить органами распределения и обмена.

Относительно министерства финансов, говорит Прудон, очевидно, что существование его обусловлено существованием других министерств. Финансы для государства тоже, что ясли для осла. Уничтожьте политическую упряжку, и администрация, имеющая единственной целью добывать и давать ей корм, сама собой окажется лишней.

е. Иностранные дела. Войско, Флот

Многие революционеры, допускающие возможность и необходимость уничтожения правительства для внутренних дел, возражают, однако, что во внешних сношениях страны необходимо, чтобы какое-нибудь правительство представляло нацию; а если, притом, отношения эти будут враждебными, что весьма вероятно в эпоху революционного кризиса, то должно быть, чтобы правительство было тем сильнее и централизация была тем энергичнее.

Тут прежде всего вопрос в том, как мы представим себе отношение Европы к стране, где вспыхнула социальная революция. Мы полагаем, что революция заразительна и что, если она не сделается всеобщей, она погибнет. Мы рассчитываем, что эта заразительность революций не позволит деспотам опереться на их армии и возобновить коалицию 1793-го[57] года против страны, провозгласившей права труда. А когда революция совершается повсюду, что станет с политическими государствами, с национальными знамёнами? Нужна ли будет дипломатия? Будут ли народы воевать между собой ради расширения своих областей?

Нет. В порядке, где все интересы солидарны, нации перестанут образовывать отличные друг от друга политические организмы; они не сольются в фантастическое и чудовищное единство; они войдут между собой в федерацию, как раньше этого войдут в федерацию общины и ассоциации производителей.

«Правительства, говорит Прудон, заявив претензию учредить в человечестве порядок, организовали затем народы во враждебные друг другу лагеря; внутри их единственным занятием было создавать рабство, а во внешних отношениях – поддерживать войну в перспективе или на деле»

«Угнетение народов и их взаимные ненависть суть факты параллельные, солидарные, вызывающие один другого и могущие исчезнуть лишь вместе с уничтожением их общей причины – правительства»

«Поэтому пока народы будут состоять под полицией царей, трибун или диктаторов, пока они будут повиноваться видимой власти, учреждённой среди них и издающей управляющие ими законы, они будут находится в войне между собой; никакие священные союзы, демократические конгрессы, амфикинии[58], центральные европейские комитеты не смогут ничего против этого сделать. Огромные организмы, организованные подобным образом, необходимо противоположны друг другу по интересам; сливаться воедино они не хотят, а признавать справедливость не могут; они должны, стало быть, бороться и драться войной или дипломатией, не менее безнравственной, чем война»

Возбуждаемая государством национальность противопоставляет непобедимое сопротивление всякой попытке слияния народов воедино; вот почему монархия никогда не могла добиться своей цели – стать всемирной. Всемирная монархия в политике тоже, что квадратура круга или вечное движение в математике – противоречие. Нация может терпеть правительство, пока её экономические силы не организованы и пока это правительство её собственное: национальность власти, отводя глаза от оценки её принципов, сохраняет правительство в ряду бесконечных смен монархий, аристократий, демократий. Но если власть чужда нации, последняя чувствует её как оскорбление, мятеж тлеет во всех сердцах, и учреждение не может долго держаться»

«То, что не удалось ни одной монархии, даже монархии Цезарей; то, чего не могло создать христианство, свод всех древних религий, - то совершит экономическая революция. Когда в каждой стране за руководство общества будет вместо религии и власти принята наука, не будет ни национальности, ни отечества в политическом смысле: останутся только привязанности и связи родины. Человек, какого племени и цвета бы он ни был, будет действительно туземцем мира, будет всюду гражданином. Гармония будет царствовать между нациями без дипломатии и без соборов, и ничто никогда не нарушит её»

Затем Прудон обзорекает главные вопросы международной политики, стоявшие на очереди в его время (и до сих пор не потерявшие современного интереса) и решает их по началам

анархического социализма. Мы закончим этой в высшей степени интересной цитатой наш разбор его этюда «Об Обществе без Правительства».

“ «Россия, говорит он, хочет утвердиться в Константинополе, как утвердилась в Варшаве, т. е. заключить в себе Босфор и Кавказ. Но революция не допустит этого и для безопасности прежде всего взбунтует Польшу, Турцию, все русские провинции, которые можно взбунтовать и дойдёт, наконец, до Петербурга. А тогда в чём будет состоять русский интерес в Варшаве и Константинополе? В том же, в чём будет состоять в Берлине и Париже – в свободном и равном обмене. Во что обратится сама Россия? В собрание свободных независимых народов, соединённых лишь торжеством языка, сходством обычаев, аналогией функций, условиями местности. В подобных обстоятельствах завоевание бессмыслица. Если бы Константинополь и принадлежал бы России, то, как только революция совершится в России, Константинополь будет принадлежать сам себе, как будто никогда не терял своей независимости. Восточный вопрос в русском смысле перестанет существовать»

«Англия хочет владеть Египтом, как владеет Мальтой, Корфу, Гибралтаром и прочим. Революция отвечает на это тем же. Она предписывает Англии воздерживаться от покушений на Египет, положить предел своим захватам и своей монополии и для безопасности очистить острова и крепости, из которых она грозит свободе наций и морей. Англия должна преобразиться в революции, как и прочие нации. А раз что революция свершится в Лондоне, раз британская монополия будет вырвана с корнем, сожжена и прах её развеян, нужно ли будет Англии владение Египтом? <...> Тогда все будут иметь право и возможность входить, выходить, торговать по своему желанию, создавать фермы разрабатывать полезные ископаемые, строить промышленные предприятия, и выгода будет одинакова для всех наций; <...>»

«Между нами ещё существуют *шовинисты*, непременно желающие восстановления *естественных* границ Франции. Они требуют или слишком многого, или слишком малого. Франция везде, где говорят её языком, где следуют её Революции, где приняты её обычаи, её искусства, её литература, подобно тому, как приняты её меры и её монета. С этой точки зрения ей принадлежит Бельгия (точнее Валлония), швейцарские кантоны Невшатель, Во, Женева, вся Савойя, часть Пьемонта (Аоста); но от тогда её должны отойти немецкий по сути Эльзас, может быть даже часть Прованса (Ницца, в которой живут итальянцы), Гаскони (Северная страна Басков), кельтской Бретани, жители которых не говорят по-французски[59], и часть их всегда стоит за короля и попов против Революции. Но зачем эти перестройки? Эта мания присоединения возбудила при Конвенте и Директории недоверие

народов к Республике и, дав нам вкус к Бонапарту, привела нас к Ватерлоо. Революционизируйтесь, говорю я. Наша граница будет довольно широка, будет вполне французской, если будет границей революционной»

«Скажем раз и навсегда: самый характерный, самый решительный результат Революции будет состоять после организации труда и собственности в уничтожении политической централизации, государства, последствием чего будет уничтожение дипломатических отношений между нациями по мере того, как они будут приступать к революционному союзу. Всякий возврат к политическим преданиям, всякая забота об европейском равновесии под предлогом национальности и независимости государств, всякое предложение заключать союзы, признавать независимости, возвращать провинции, переносить границы – обнаружили бы в представителях движения полнейшее непонимание потребностей века, презрение к социальным реформам и даже реакционный умысел»

VII. Заключение

Книга, содержание которой мы изложили и комментировали, посвящена развитию следующего тезиса:

“ «Революция в XIX-м веке состоит в разрушении политических государств, в отмене всякого правительства вообще»

Рядом с этим главным тезисом излагается план ликвидации и разные экономические теории, лично принадлежащие Прудону. Но это вещи побочные, которые можно оставить совершенно в стороне и рассматривать только великий принцип, так хорошо сформулированный и доказанный писателем-социалистом, принцип отрицания власти, принцип анархии.

Стало быть, те ошибки, которые мы указали в некоторых частях книги, те противоречия, в которые Прудон нередко впадает, принимаясь за решение вопросов собственности, те несогласия между его планом ликвидации и современным положением пролетариата, на которые мы должны были обратить внимание читателей – всё это вещи неважные. Принцип остаётся непоколебим и блещет тем ярче, чем больше критика освобождает и очищает его от всех этих примесей, выставляя его не как принадлежность личной системы какого-нибудь автора, а как объективную истину, независящую ни от каких систем, как формулу социальной революции.

В эпилоге своей книги Прудон красноречиво резюмирует свои доводы против правительства и сопоставляет картину общества, управляемого властями и законом, с картиной общественного быта, основанного на договоре.

“ «Личность человеческая! Воскликает он с негодованием, – как могла ты шестьдесят веков терпеть такое унижение? Ты величаешься святой и священной, тогда как на деле ты неустанная, даровая блудница твоих холопов, твоих солдат, и твоих попов! Ты знаешь это и терпишь это! Тобой *управляют*, то есть тебя караулят, инспектируют, шпионят, направляют, регламентируют, подводят под законы, классифицируют, учат, набивают чужими мнениями, контролируют, ценят, оценивают, урезают, заставляют повиноваться себе люди, не имеющие на то ни права, ни знания, ни

достоинства. Тобой *управляют*, то есть при каждом твоём действии, при каждом сношении, при каждом движении твоём тебя отмечают, записывают, сосчитывают, назначают тебе продажную цену, отмечают тебя клеймом, привешивают к тебе ярлык, патентуют, разрешают, дозволяют тебя, расписываются на тебе, сдерживают, взнуздывают, переделывают, поправляют и исправляют тебя. Под предлогом общественной пользы и общего интереса тебя грабят, дрессируют, эксплуатируют, монополизируют, обкрадывают, давят, мистифицируют; а при малейшем сопротивлении, при малейшей жалобе начинаются усмирения, взыскания, унижения, поругания, травля, торможение, оскорбления; тебя обезоруживают, вяжут, сажают в тюрьму, расстреливают, жарят в тебя картечью, судят, приговаривают, ссылают, приносят тебя в жертву, продают, предают и в довершение надувают, дурачат, оскорбляют, бесчестят! Вот что такое правительство, вот что такое правосудие, его мораль! И после этого есть ещё демократы, находящие в правительстве хорошие стороны; есть социалисты, отстаивающие эту гнусность во имя Свободы, Равенства и Братства; есть пролетарии, являющиеся кандидатами в должность президента Республики – лицемеры!